

[Polaris]

ХЕЙРО

РУКА СУДЬБЫ

Тайны Египта

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLVII

Salamandra P.V.V.

ХЕЙРО

РУКА СУДЬБЫ

**или
Этюд о предопределенности**

Тайны Египта

Salamandra P.V.V.

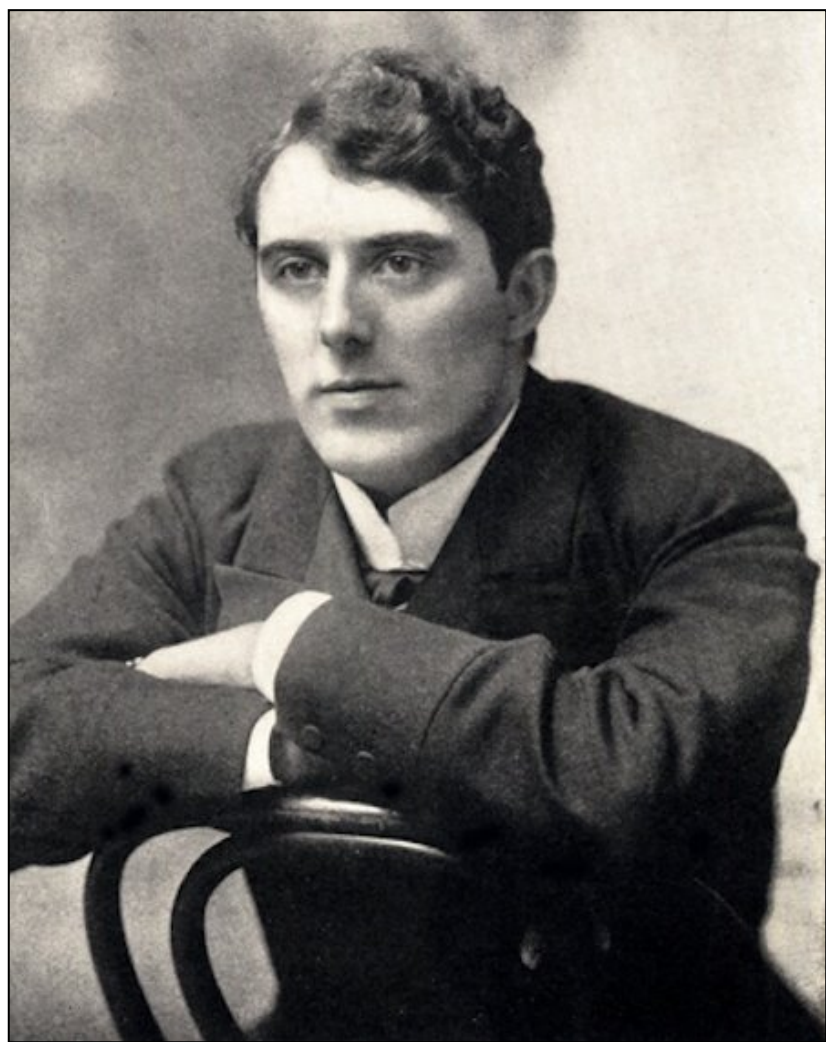
Хейро (Уорнер В.).

Рука Судьбы или Этюд о предопределенности. Пер. и прим. А. Шермана (Тайны Египта). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 77 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLVII).

Впервые на русском языке — единственная фантастическая повесть экстравагантного хироманта и оккультиста Хейро (1866-1936), покорившего в свое время Лондон, а затем Нью-Йорк и Голливуд, история о таинственных египетских гробницах, мумиях фараонов, индийских йогах и чудовищном проклятии судьбы.

© А. Sherman, перевод, примечания, биогр. очерк, 2020

© Salamandra P.V.V., оформление, 2020

РУКА СУДЬБЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Осенью 1896 года многие ведущие газеты описывали необычайный пример пренатального влияния, а именно случай с итальянской девочкой, которая поступила в больницу Бельвью (Нью-Йорк) со странной и быстро растущей опухолью с левой стороны шеи; нарост этот начал развиваться через несколько лет после ее рождения и мог быть объяснен только испугом, пережитым матерью за считанные месяцы до родов. Я располагаю всеми подробностями этого случая, но не стану приводить их в данном введении по причине их сходства с определенными деталями нижеследующей истории, написанной, однако, задолго до того, как упомянутый случай был представлен вниманию публики.

В качестве примера воздействия, производимого разумом на тело под влиянием пренатальных впечатлений, я могу привести и другой случай, имевший место несколько лет назад в Англии. Одна довольно известная дама, увидав на своей земле нищенку и шестерых ее детей, приказала той уйти со словами: «Убери свой выводок свиней с моих глаз». Тогда нищенка, которая сильно нуждалась и почти умирала с голоду, в гневе преклонила колени на дороге и воскликнула: «Если есть Господь на небесах, пусть ребенок, которого ты родишь, будет таким, какими ты считаешь моих».

Слова и поведение этой женщины, как полагают, произвели на даму глубокое впечатление, и примерно через полгода она родила девочку *со свиным рыльцем* вместо носа и рта; последняя, пока была жива, кормилась из серебряного корытца.

В качестве еще одного примера влияния разума матери на разум еще не родившегося ребенка я бегло упомяну случай с одним мальчиком из Бостона (США); родители его не умели ни читать, ни писать, но сам он обладал таким природным даром вычисления, что в возрасте пяти лет его демонстрировали как вундеркинда в Гарвардском университете, где он после секундной паузы на размышление пра-

вильно складывал колонки, состоящие из пяти-семи двух- и трехзначных цифр. Как оказалось, эта удивительная способность объяснялась тем, что мать ребенка, опытная вязальщица, за несколько месяцев до рождения сына получила заказ связать столько-то сотен пар носков, и ночью и днем была занята вычислениями, пытаясь понять, сколько ей понадобится шерсти и каков будет ее доход.

История, изложенная в следующих главах, была написана задолго до того, как мне указали на случай с итальянской девочкой — но, возможно, не появилась бы в печати, если бы ее случай не привлек такое внимание: без подобной параллели моя повесть, вероятней всего, показалась бы лишь причудой болезненного воображения.

Некоторые люди, возможно, сочтут ее слишком ужасной для публикации. Мой ответ на это состоит в том, что преступления, которые каждый день совершаются по незнанию — или, еще хуже, беспечности — в отношении таких явлений, как наследственное и пренатальное влияние, гораздо более ужасны, чем любой плод воображения. Мне доводилось видеть такие чудовищные примеры воздействия наследственности и пагубной предродовой неосмотрительности, что, будь это только возможно, я раскрыл бы их преступный характер в повествовании, каждое слово и каждый слог которого навеки впечатались бы в память читателей предупреждением, что не должно и не может быть забыто.

Когда-нибудь именно на религиозных фанатиков и чрезмерно чувствительных пуристов будет возложена ответственность за добрую половину умственных и физических уродств, наполняющих мир бесконечной болью и страданием, рождением и стыдом.

Именно эти люди налагают печать молчания на уста докторов, строя больницы для излечения тех самых болезней, что порождены столь поощряемым ими невежеством, и окружают эти болезни безмолвием. Обманываясь, они убеждают себя, будто поклоняются Богу — забывая при этом, что Бог Знания не ведает стыда, и что Бог Природы и есть природа, разлитая в животных и человеке. Подобные люди пытаются *обуздать христианство догмами* и не приз-

нают добра, если оно не исходит из врат церкви, и мало того: церкви определенной конфессии со строго определенными догмами, церемониями и ритуалами.

Для них слова Христа: «Кто не против вас, тот за вас»* не имеют никакого значения, и всякий вольнодумец в их глазах — преступник, пусть даже он и строит больницы, является человеком честным и добрым хозяином, помощником и благодетелем для своих ближних.

Эти люди располагают властью налагать табу «неблагопристойности» на любого, кто осмелится возвысить голос или обратить перо к этой теме и отклониться в сторону от ортодоксальных истин; и никакого прокаженного в дни древнего Израиля не стали бы избегать так, как сторонятся в наши дни так называемого социального прокаженного, имевшего несчастье навлечь на себя подобное клеймо. Порой, что правда, такие консерваторы очищают дом терпимости или прогоняют обездоленных с одной улицы на другую, более темную, но они не готовы искоренить самый исток зла — зла, что поселилось в их собственных домах, в их браках без любви, благословленных государством и церковью! Слишком часто, исповедуя свою религию, они забывают о простом Христе-человеке и вместо Него воздвигают Божество, которому необходимо поклоняться со страхом и трепетом.

Эти люди были бы потрясены, скажи мы им, что они суеверны — но разве они не подвергают аресту карточную гадалку и с радостью не сожгли бы на костре того, кто читает по звездам? И однако, согласно их верованиям, солнце и луна остановились, дабы каких-то несчастных могли убить; движение звезды возвестило явление Христа; их младенцев нужно крестить посредством большого пальца, рисующего на лбу знак креста — но ни в коем случае не указательного; к Богу же следует обращаться с церемониями, основанными и построенными на элементах суеверий, которые они предпочитают считать таким злом, не замечая, что подобные суеверия составляют значительную часть жизни и верований людей.

* Мк. 9:40, Лк. 9:50 (*Здесь и далее прим. перев.*).

Античеловеческие идеи религии, однако, снимают бремя ответственности за индивидуальные действия, и за редкими исключениями это вполне приятно для масс: если они ошибаются, можно обвинить дьявола, а если дети страдают по их вине, можно уклониться от ответственности, переложив ее на плечи Господа.

Такие убеждения принесли человечеству величайший вред, но они устраивают человечество, чересчур себялюбивое для перемен, всю ту эгоистичную массу, которая целую неделю обманывает соседей, а по воскресеньям молит о прощении и сперва ломает свою юность на дыбах распутства — а затем мечтает о детях, чтобы те увековечили их имена или унаследовали деньги, что невозможно унести с собой в могилу.

Стоит ли удивляться тому, что, пока существуют такого рода явления, мир повсюду наполнен болью, страданием, бесчестьем и вырождением? *Ибо семена, которые мы сеем, дождутся жатвы*, и жатва эта выпадет на долю если не нас, то тех, кто когда-нибудь займет наше место. Судьба человечества — это судьба творения, и в великой цепи жизни роль самого малого звена человечества не менее значительна, чем самого большого; нет спасения от судьбы, сотворенной для нас действиями прошлого. Как говорил сэр Эдвин Арнольд, «сильны узы прошлых существований»*.

Ибо кто возьмется отрицать, что настоящее — лишь дитя прошлого; и поскольку настоящему, в свою очередь, предстоит породить будущее, я постараюсь показать, что великим уроком бытия должны стать помощь и забота о тех, кто придет после нас. Излагая естественные законы наследственности и пренатальных влияний и принцип сознательного повиновения им, я утверждаю в следующей ниже повести, что, какой бы суровой и неумолимой ни была Судьба, *она все же не совсем бесповоротна*; изменить ее можно, однако, лишь благодаря осознанию тенденций к злу и

* Э. Арнольд (1832-1904) — видный британский поэт и журналист, поклонник восточных философских учений, известный эпическими поэмами *Свет Азии* (1879) и *Свет миру* (1891).

вырождению — что обязано в достаточной мере предшествовать действию, дабы позволить другим законам вмешаться и повлиять на результат.

Тем, кто готов оспаривать эти представления, не мешает вспомнить, что в последние несколько лет многие специалисты по мозговой деятельности стали приверженцами теории, в соответствии с которой в сознании должен возникнуть некий предварительный росток, прежде чем идея или мысль станут результатом. Поэтому вполне возможно, что в двадцать лет, например, в сознании зародится определенная тенденция, способная разрушить или возвысить человека в срок, и сам он все эти годы даже не почувствует, что в нем совершается некая перемена, пока стремление к действию не заставит его осознать эту тенденцию. Мы словно прокладываем рельсы, по которым запускаем поезд действия, — но мы прокладываем эти рельсы или тенденции заранее, и они, я убежден, простираются далеко за пределы нашей жизни и отмечают путь судьбы для наших потомков. Боюсь, что потомки, как и мы, окажутся слишком невежественны или беспечны, чтобы думать о тех, кто следует за ними.

Возможно, кто-либо нуждается в более религиозном обосновании таких идей; что же может быть в этом смысле внушительней, спрашиваю я в заключение, чем слова, ставшие настолько привычными, что мы едва задумываемся об их смысле — слова о наказании за «беззаконие отцов в детях до третьего и четвертого рода»?

И если моя повесть, несмотря на все ее несовершенство, заставит хотя бы нескольких человек немного серьезнее задуматься над законами, которые управляют жизнью и не могут быть нарушены без соответствующих наказаний, это послужит достаточным оправданием того, что я выпустил ее в свет — и станет лучшим оправданием ее публикации, нежели все остальное, что я могу предложить.

* Чс. 14:18.

ГЛАВА I

Летом 1889 года я обнаружил себя однажды утром в компании довольно-таки престарелого археолога; я пытался договориться с несколькими арабами об аренде хижины на время нашего пребывания в Эль-Карнаке.

Мой спутник был одним из тех необыкновенных людей, которых почему-то ожидаешь встретить в путешествии по такой стране, как Египет. Он являл собой частицу творения, отказывавшуюся быть перемолотой жерновами жизни в заурядную пыль простых смертных.

По национальности он был немцем с родословной, восходившей к Ною. Он прожил на свете столько лет, что его сердце перестало отмечать время равномерным биением и вместо этого наигрывало своего рода собачий вальс, какой Ангел Смерти, казалось, преспокойно игнорировал. По профессии же, как сказано, он был профессором археологии. Он знал каждый камень Великих пирамид и, без сомнения, был лично знаком со всеми забальзамированными мумиями, созданными со времен Хеопса и вплоть до нашей нынешней эры кремации. Он успел поработать в отделах мумий многих знаменитых музеев и трудился ради познания, а не во имя презренного золота; в этом смысле профессор настолько выбивался из общего ряда, что люди считали его совершенно спятившим — помимо тех случаев, конечно, когда подобное безумие приносило больше денег, чем могло обеспечить все здравомыслие их интеллектуальной ограниченности. Его собственная страна, его «Vaterland»*, не сочла нужным признать свое дитя. В ней имелось немало окаменелостей, человеческих и прочих, но французским древностям придавалось такое значение, что никто не видел ни малейшей пользы в изучении мертвых египтян. Поэтому он отправился в Англию — ибо Англия души не чаяла в мумиях, сооружала для них ящики и витрины, строила прекрасные музеи, платила умным профес-

* Родина, отечество (нем.).

сорам, чтобы они располагали мумии в хронологическом порядке, а потом веками спорили о подлинности их имен — и Англия приняла профессора и стала его научным убежищем.

В докладах правительству несколько раз отмечалась его работа на благо Британского музея, а не так давно он, обладая глубокими познаниями в области египетских драгоценностей и реликвий, расследовал продажу коллекции подобных сокровищ на континенте и сумел установить, что источником их была неизвестная египтологам гробница, которую неторопливо и неуклонно грабила шайка арабов. За эту услугу науке любой другой, вероятно, получил бы весомую награду, но профессор был доволен и тем, что его направили в Египет в худшее время года с заданием спасти усыпальницу от дальнейшего разграбления. Успешно справившись с этим, он обратил свое внимание на памятники Фив: собранные им свидетельства указывали на то, что в окрестностях Фив наличествовала еще одна неоткрытая и непревзойденная по великолепию гробница, и профессор решил, в одиночку и почти без средств, искать доказательства ее существования. Здесь и начинается мой рассказ.

Что касается меня, то я познакомился со стариком несколько лет назад в Лондоне, обедая однажды вечером в старом кафе неподалеку от Британского музея. Его привлекло кольцо на моем пальце. Оно было найдено на руке скелета, выкопанного близ Ниневии: персидская реликвия, состоящая из трех маленьких резных скарабеев, символизирующих Дьявола, Мироздание и Вечность. Профессор снял с кольца восковой оттиск и установил, что мои скарабеи относились к сасанидскому периоду истории Персии*. После этой случайной встречи мы быстро сделались друзьями. Неудивительно, что, когда мы оказались попутчиками в путешествии по Египту и профессор изложил мне свои планы, я согласился провести остаток времени с ним и принять

* Т. е. к Третьей персидской империи под властью династии Сасанидов (225-651 гг.).

участие в его исследованиях высохших мумий, разбитых идолов и сокрытых гробниц.

Мы решили устроить штаб-квартиру в Эль-Карнаке и в то утро, с которого начинается мое повествование, торговались о пристанище с респектабельным арабским гражданином, живо напоминавшим лондонскую квартирную хозяйку.

В целях этого рассказа достаточно будет остановиться только на непосредственно связанных с ним интересных моментах; поэтому в дальнейшем я воздержусь от подробного пересказа различных незначительных событий или детальных описаний Эль-Карнака либо Фив.

На следующее утро после нашего прибытия, запасшись проводником и всей необходимой экипировкой, мы пересекли Нил и направились к чудесной Долине Смерти, к «Гробницам Царей». Едва начало светать. Далеко на горизонте со стороны востока сияла длинная полоса, испускавшая широкий веер световых стрел, что пронзали сердце уходящей ночи, изгнанной прочь, подобно бродяге, этими яростными предвестниками Царя Дня. Перед нами смутно вырисовывалась гряда невысоких холмов, окутанных странной, ледяющей душу тишиной, что кажется особенно зловещей за час до рассвета. Гранитное сердце некрополя бдительно оберегало забальзамированные тела царей; быть может, некогда перед ними трепетали народы, но ныне имена их мало кто помнит. Вековая пыль покрывает их величие. Их слава прошла, как исчезнувшие лучи вчерашнего солнца. Время обошлось с ними даже хуже, чем с безымянными мертвецами, не оставившими по себе никакой памяти: будучи при жизни царями, они обречены были стать по смерти добычей бессмертного любопытства. Их извлекают из мест вечного упокоения, покупают и продают, как товар, помещают в стеклянные витрины, и на них со смехом и издевками глазят невежественные толпы; их тела обнажают, деяния записывают, безумства каталогизируют. И все же, несмотря на этот урок, современный человек предпочитает не замечать подобные перспективы и честолюбиво стремится к величию, божественному или дьявольскому.

Мрачное величие и грандиозность пейзажа, окружающего царские могилы, не поддаются описанию. Здесь испытываешь острое чувство заволаживающей опустошенности, и с трудом удастся подавить дрожь ужаса в сердце и благоговейный страх в душе. На каждом шагу — осыпающиеся руины катакомб и надменных монументов: торжественные свидетели былой славы, скульптурные насмешки над живыми, бесполезные стражи...

В этой долине царит тишина, таящая в своей неподвижности бессвязные слова, пусть камни и не обладают даром речи, а души мертвых давно стали безмолвными призраками.

Взгляд возносится к безграничному голубому куполу небес, распростертому над холмами, затем вновь погружается в могильную тьму, где спят фараоны, и сердца живых содрогаются от страха — не от страха за себя, ибо человеческое «я» здесь ничего не значит, но от ощущения всевластной тайны, именуемой жизнью, и тайны тайн, называемой смертью: ведь смертный не в силах понять, проникнуть в эти тайны, подчинить их себе, и никогда еще не удавалось ему их разгадать.

На мгновение мы невольно остановились у входа. Казалось, что здесь, на пороге, все живое и неживое противилось вторжению людей.

Большая летучая мышь вылетела из одной из соседних гробниц и, ослепленная светом, бросилась нам в лицо, издала отвратительный крик и, беспорядочно размахивая крыльями, исчезла вслед за ночью.

Мы думали, что мы здесь одни и первыми отважились проникнуть в то раннее утро в святилище мертвых, к реликвиям царственного величия. Но это было не так. Едва ли в ста шагах от нас мы различили фигуру молодого иностранца; он оставался глух ко всему окружающему и казался околдованным волшебной тишиной, пронизывающей таинственную гробницу. Что-то необычное в нем сразу же привлекло наше внимание. Дело было вовсе не в том, что он находился там в одиночестве в столь ранний час, хотя и это само по себе выглядело странным, поскольку в Эль-

Карнаке в такое время года туристов не найти. Его окутывала какая-то неуловимая аура. Разве мы не знаем людей, окруженных особой атмосферой, все черты и жесты которых выражают утонченную душу; с другой стороны, не знаем ли таких, что лишены всякой выразительности — лишены этого качества в той же мере, что и самой души?

Незнакомец снял головной убор, очевидно, в знак почтения к древней обители прославленных мертвецов. Он так и стоял с непокрытой головой, и нельзя было не заметить, что на его резко очерченном и почти красивом лице застыло выражение печали и отчаяния, странным образом соответствовавшее окружению. Это был англичанин в обычном туристическом костюме, но что-то в нем гармонировало с причудливой странностью долины и словно превращало его в часть общей картины; он мог бы показаться живым примером невидимой силы, именуемой связностью, что мы охотно различаем в судьбах народов, но не желаем признать в индивидуальной Судьбе Человека.

Мы приблизились к нему, намереваясь дружески представиться, но, к нашему удивлению, он с какой-то непонятной подозрительностью, не ответив на наши приветствия, поспешно направился к одной из дальних гробниц и с уверенностью человека, хорошо знающего это место, вошел в нее и скрылся из виду.

От нашего проводника мы узнали, что этот молодой человек уже некоторое время жил в окрестностях Эль-Карнака, держался отдельно от всех и ни с кем не разговаривал, если только обстоятельства не вынуждали его к этому. Ходили слухи, что он буквально все время, днем и ночью, рыскал по руинам. Его излюбленным пристанищем были Гробницы Царей, и здесь его обычно можно было найти. «Однако он смел и храбр, как лев», — продолжал проводник, а затем рассказал нам, как всего месяц назад этот человек бросился в Нил и спас туземную девочку, угодившую под гребное колесо парохода. «И все-таки, — тут проводник таинственно понизил голос, — есть одна вещь, которой англичанин боится». С этими словами он плавно изогнул руку и издал резкое шипение, и мы поняли, что незнакомец

испытывал непреодолимый страх перед змеями.

Мы подошли ко входу в одну из больших усыпальниц, и старый профессор забыл обо всем в пылу работы. Как видно, мы случайно наткнулись на гробницу, точно соответствовавшую карте, которую он тщательно составил, и его старое лицо озарилось радостью и вновь помолодело при мысли о скором осуществлении одной из его любимых грез.

В минуты сильного волнения он обыкновенно доставал коротенькую немецкую трубку и тихонько напевал что-то себе под нос, протирая и полируя ее рукавом своего старомодного черного сюртука. На сей раз он до блеска отполировал чашу маленького ветерана, так что она сияла, как эбеновое дерево; я уверен, что рукав любого другого человека загорелся бы от такого прилежного трения. Профессор однажды с гордостью признался мне, что надевал этот сюртук на работу на протяжении последних двадцати лет. Ума не приложу, как выдержал сюртук подобную носку. С годами он приобрел ржаво-черный цвет и весь лоснился, но был очень чист: профессор обладал поразительной способностью в любых условиях выглядеть безупречно. Даже после долгого перехода по пустыне он оставался причесанным волосок к волоску, а безбородое лицо сверкало такой свежестью, словно он только что завершил утренний туалет. Он вечно посмеивался надо мной, говоря, что мне выпало «несчастье иметь на лице густую поросль», и радовался тому, что Провидение пощадило его. Думаю, он оплакивал бы каждые пять минут, потраченные на бритье, и не поскупился бы на проклятия в связи с этим вынужденным перерывом в работе.

Хотя ему уже исполнилось семьдесят лет, он был подвижен и проворен, как мальчишка. Правда, он носил очки, но вряд ли можно ожидать увидеть без очков какого-либо профессора и тем более столь знающего египтолога. Очки в золотой оправе — единственная дань роскоши — придавали его лицу выражение глубокой учености, которое, казалось, произвело должное впечатление даже на нашего арабского гида. Этот мошенник и не пытался угощать нас обычными выдумками и баснями, как принято обращаться здесь

с туристами, а просто указывал на любопытные места и предметы длинным тощим пальцем и ждал объяснений профессора.

Мы бродили от склепа к склепу, пока, наконец, день не подошел к концу и мы не вернулись к себе в хижину.

Профессор был чрезвычайно доволен первым днем работы, но испытывал немалые подозрения в отношении сопровождавшего нас араба. Когда мы беседовали после скудного ужина, он перечислил множество сомнительных черточек в поведении гида. Особенно подозрительным показался моему спутнику один случай. Коридор в гробнице вывел нас к небольшой камере; профессор решил задержаться и повнимательней изучить ее устройство, после чего проводник вспылил и принялся возражать. Но, при всей своей хитрости, наш араб недооценил упорство человека, с которым ему предстояло иметь дело. Профессор фон Хеллер приехал в Фивы с целью *нечто* выяснить и найти, и никакие каменные стены и орды враждебных арабов не могли остановить ученого, твердо заключившего, что его обязанностью было продолжать исследования в интересах науки.

Однако он решил, что на следующий день мы пойдем в развалины без проводника — и предупредил меня перед сном, что необходимо запастись достаточным количеством спичек.

— Видите ли, — сказал он с улыбкой, — когда самостоятельный турист отказывается от услуг местных гидов, эти хитрые собаки, как правило, ползут за ним в темноте и задувают его факел в самой запутанной части склепа, считая, что несчастный, проведя ночь в обществе мумий, будет только рад в следующий раз обратиться к проводникам.

ГЛАВА II

Не успел забрезжить рассвет, как профессор, уже одетый, разбудил меня и тихо, но настойчиво заявил, что пора вставать. Лениво и сонно я подчинился. Пока я одевался, мое внимание привлекли голоса двух мужчин, полупшепотом говоривших по-арабски за окном. В одном я узнал нашего вчерашнего проводника, а в другом — араба-слугу, который, я готов был поклясться, был занят в эту минуту приготовлением завтрака. Что-то в голосе проводника — хоть я и не понимал ни слова из того, что он говорил, — внушило мне мысль, что предметом разговора были я и мой спутник.

В этот момент в комнату вошел профессор и сразу же слышал подозрительно приглушенные голоса. Сделав мне знак молчать, он быстро подкрался к окну и прислушался. Затем профессор, владевший арабским, стал заносить в свою вездесущую записную книжку каждое слово, в то время как по его лицу, словно свет луны над водами Нила, разливалась мягкая довольная улыбка. Через несколько минут разговор прекратился, проводник ушел, а наш арабский слуга на вполне приемлемом ломаном английском сообщил, что завтрак готов.

За скромной трапезой профессор рассказал, что его вчерашние опасения оказались более чем обоснованы. Судя по словам проводника, нас заподозрили в попытке разузнать лишнее, и слуга был предупрежден, что он не должен делиться с нами никакими сведениями о гробницах. Подслушанный разговор не оставил у профессора никаких сомнений в том, что в некрополе находилась неизвестная науке гробница; и более того, усыпальница эта являлась ценнейшим хранилищем большого количества драгоценностей и реликвий прошлого. Арабы, посвященные в тайну, собирались разграбить склеп, когда представится благоприятная возможность. Профессору не удалось выяснить, как они намеревались поступить с нами теперь, когда мы отказались от услуг проводников; но гид посоветовал слуге поза-

ботиться о себе, так как в один прекрасный день мы, надо полагать, не вернемся из долины мертвых.

Должен признаться, я немного волновался, пока мы готовились к отъезду, поскольку слышал от профессора всевозможные истории о факелах, которые неожиданно гасли в самых труднодоступных местах, и о людях, умерших с голоду, прежде чем их успели хватиться. Но добродушный старик несколько утешил меня, сказав: «Я сделал приготовления на случай подобных опасностей и не боюсь алчности арабов». Говоря это, он извлек из своего дорожного мешка два складных фонаря с глухими щитками и небольшую флягу с маслом, которую незаметно сунул в карман.

Мы снова тронулись в путь и, стремясь рассеять подозрения арабов, посетили всевозможные любопытные склепы; лишь затем мы направились к тому из них, что интересовал нас больше всего. За исключением молодого англичанина, мы были единственными иностранцами в окрестностях. Летний сезон был в самом разгаре, и все остальные бежали отсюда, спасаясь от невыносимой духоты. Что же до незнакомца с печальным лицом, то он редко попадался нам на глаза. Иногда мы видели его издали, пересекая лабиринты между гробницами, но всякий раз он будто намеренно избегал близкой встречи с нами. Мы заметили, что все арабы, как могло показаться, испытывали перед ним какой-то суеверный страх; они никогда и ни под каким предлогом не приближались к нему, и его сторонились и оставляли в покое даже дети, которые обычно осаждают любого иностранца, выпрашивая милостыню. Внешность и одежда выдавали в нем джентльмена, однако при взгляде на него невольно поражала безымянная тень, словно всегда нависавшая над этим человеком — тень уныния, отчаяния, тоски, предчувствия; ее не изобразить словами — она просто ощущалась.

Когда мы наконец добрались до того места, где накануне прекратили свои исследования, профессор зажег фонари и, не говоря ни слова, нырнул в непроглядную тьму подземных ходов, ведущих к более отдаленным гробницам. Время от времени он останавливался и освещал лучом фонаря какой-нибудь фрагмент резьбы или надпись на стене.

Я заметил, что в начале каждого коридора он тщательно осматривал левую стену, извлекал немного воска из своей кожаной геологической сумки и делал оттиски маленьких цифр или букв, которых я даже не замечал. Поначалу я думал, что это была лишь предосторожность на случай, если мы заблудимся, но немного позже профессор признался, что в своем исследовательском энтузиазме совершенно позабыл об опасности. На стенах же он обнаружил какие-то знаки, отсутствовавшие в других гробницах; по мнению профессора, они являлись важным ключом к местоположению разыскиваемого им захоронения.

До сих пор арабы не давали о себе знать, и нас никто не тревожил. Но как раз в ту минуту, когда я начал было успокаиваться, профессор опустил щиток своего фонаря и тихо увлек меня в узкую нишу, вырубленную в каменной стене. Внезапно наступившая темнота казалась непроницаемой; глаза были не в силах к ней приспособиться, и перед нами снова и снова вставали во тьме яркие цвета некоторых фресок и надписей, что мы видели на свету. Тишина буквально сводила с ума, но вдруг ее нарушил легкий шорох, и мимо нас проползло, как змея, голое тело араба. Мы не сразу осмелились покинуть свое укрытие, а затем двинулись назад и поспешили вернуться домой.

Остаток дня профессор провел за приведением в порядок своих слепков. Он аккуратно разложил их в соответствии с набросанной им схемой усыпальницы; когда все слепки заняли предназначенные им места, профессор подозревал меня и с мрачным удовлетворением отметил, что каждый из знаков указывал на маленькую камеру — ту самую, откуда вспыхивавший проводник накануне так торопился нас увести.

— И все же, — сказал профессор, с новой силой полируя маленькую черную трубку, — я осматривал это место вчера и готов побиться об заклад, что там нет ничего, кроме твердой скалы.

В этот момент на улице показался молодой англичанин и прошел мимо раскрытой двери нашего домика. Онглянул на нас, и что-то непередаваемое в его лице так увлекло профессора, что он позабыл и свою карту, и восковые от-

тиски. Подойдя к двери, он стал смотреть вслед незнакомцу, удалявшемуся к развалинам храма Эль-Карнака. Когда профессор задумчиво вернулся к своим чертежам, ему уже было не до работы. Иссохшие старческие руки вяло и наугад передвигали по бумаге восковые отпечатки, забыта была даже маленькая черная трубочка, и я видел, что человеческая тайна, воплощенная в личности молодого англичанина, занимала сейчас профессора куда больше, чем тайна времени и Фив, которую он с такой решимостью стремился раскрыть.

Наблюдая за ним, я в конце концов задремал в кресле и после долгого освежающего сна проснулся около полуночи. Старик сидел в прежней позе, погруженный в глубокие раздумья. Желая отвлечь профессора, я тронул его за плечо и предложил прогуляться перед сном. Он вздрогнул от моего прикосновения и молча согласился, надев шляпу и машинально последовав за мной на тихую улицу.

Мы бесцельно брели по направлению к развалинам Эль-Карнака. Такие ночи бывают только в Египте, да и то лишь в определенное время года. Повсюду, казалось, царила тишина смерти; ни ветерка, ни звуков, издаваемых человеком или животным — все на земле будто застыло в болезненном молчании, а в небесах висела большая бледная луна, словно неупокоившийся и одинокий призрак какого-то мертвого мира.

Жара стояла невыносимая: безжизненный жгучий жар поднимался из пустыни прозрачными волнами, иссушая губы и раздувая вены, как поцелуй лихорадки, лишаящий человека последних сил. Низкие побеленные хижины вокруг руин были молчаливы и мрачны. Какими ничтожными конурами казались они в тени величественных колонн и скульптур, стройных и великолепных даже в ветхости и упадке! Так и представлялись смеженные веки спящих, их безвольно приоткрытые губы, искривленные конечности, что скрывали эти убогие хижины от взора небес — скрывали, о да! чтобы призраки лунного света не потешались над жалкими наследниками былого величия. Не произнося ни слова, мы пересекали один внутренний двор за другим,

глядя на массивные колонны, поднимавшиеся, словно гиганты, к безмолвному небу. Со всех сторон нас окружали руины, но какие руины! Разум, превосходно развитый и отточенный интеллект — вот что придумало и создало эти величественные и пышные монументы, воистину подходящие гробницы для царей, которые даже ненасытные зубы времени не смогли целиком уничтожить.

Должно ли нас удивлять, что те, кто построил эти колоссальные монументы, дабы каменные свидетели их мирской славы, их несравненного мастерства пережили века, стремились уберечь от жестокого воздействия времени и своих умерших, обвязывая их полосами льняной ткани и бальзамируя пряностями руки, что трудились или властно держали скипетры, и головы, что изобретали или правили, и тела, служившие предметом поклонения — в надежде, что они хотя бы сохранятся, если не могут жить вечно?

Но тщетным оказалось все тщеславие смертных, вознамерившихся победить неизбежное — закон Судьбы: они не смогли уберечь ни своих мертвых от разложения, ни храмы от разрушения, ни царские династии от разорения узурпаторами. Странно и унижительно для нашей эпохи, что мы, люди сегодняшнего дня, так мало извлекли из уроков прошлого. Религии древних мертвы, их идолы разбиты, их полуразрушенные храмы высятся, как памятники человеческой глупости. Мумии со всеми их надушенными покрывалами обратились в пыль; что еще отвратительней, пусть некоторые черви и обманулись, другие кормились на них, как вампиры. И тем не менее мы, с нашей хваленной цивилизацией, с нашими нравоучениями и христианскими конфессиями, погрязли в тщеславии, быть может, даже превышающем тщеславие древних. Мы больше не высекаем богов из камня, но создаем иных, не таких осязаемых — богов идей, богов теорий, богов, что не оставляют по себе зримых руин, разве что разбитые сердца своих бывлых приверженцев. Верно, и наши религии знают храмы, но они не походят на храмы культов прошлого. Мы больше не украшаем их резными изображениями исторических событий и, к сожалению, соразмеряем их славу с богатством дохо-

дов. О нет, мы избегаем явных жертв из плоти и крови, но в своем эгоизме и честолюбии усеиваем свои пути еще более ужасными жертвами. Мы подменяем деяния догмами — догмами, что терзают, сковывают и притупляют нашу совесть и делают нас рабами неких сотворенных человеком себялюбивых богов, догмами, чье бесплодие оставляет нас в конце концов в смятении, запутавшимися в тенетах разочарований.

Однако закон Жизни и Смерти остается неизменным — полевые цветы расцветают, чтобы увянуть, и то же происходит с нами. Дети приходят, расцветают и уходят, как почки на деревьях, они смеются, играют и радуют глаз, словно цветы, но, как и цветы, они едва ли сознают, что унаследовали червя болезни, который ползет к их сердцу и вот-вот убьет их. Мы отдаем дань святыням — молимся такому-то святому и такому-то Богу, но язва болезни все увеличивает-ся, мы страдаем, и приходит конец. И только когда наступает этот высший момент истины, лишь в этот миг, когда мы беспомощны и ошеломлены чем-то, чему не можем противиться, мы наконец осознаем, насколько ужасна, как неизбежна Судьба — и в порыве страха склоняется голова, и губы лепечут: «С тобой покончено», душа же восстает. Слишком поздно, слишком поздно!

Мы отвергаем и оспариваем воздействие на человека той Судьбы, что мы признаем в истории народов — мы жаждем поместить себя на вершину и считать, что мы видим все, тогда как видим мы очень мало. Бедные пигмеи, мы думаем, что властвуем, тогда как властвуют над нами: мы подобны преданным слугам, что повинуются, не ведая смысла повиновения. Сияясь умиротворить себя, каждый создает образ Бога, дабы оправдать свою безответственность. Мы ощущаем себя во власти Бесконечного, что создает нас, наделяет наше существо мыслями, чувствами, совестью и духом. И все же мы не учимся на ошибках прошлого. Мы рождены, чтобы воспроизводить и совершенствовать свой вид, но поглядите, как дурно мы выполняем свою миссию — нарушаем богоданные законы природы, а затем идиотически удивляемся их несовершенству и жестокости, когда

наступает пора неумолимого наказания. В этих прегрешениях мы ведем себя хуже зверей. Ибо мы ведаем зло, но противимся добру. Однако мир продолжает существовать, наступает и уходит время сева и время жатвы. Народы возвеличиваются и падают, и люди также, но они не заботятся о том, что посеяли, и пожинают *то, что не сеяли*. Неисповедимый закон Судьбы превыше всего, вокруг всего и во всем, *он есть все*. Он заключает в себе начало и конец, Истину и Ложь, добро и зло и их последствия. Он — Бесконечный Бог и конечный смертный человек, он любовь и добро — эти тайны, скрывающие предназначение.

* * *

Эти мысли проносились у меня в голове, пока я стоял перед гигантскими сооружениями прошлого. Впервые я всецело осознал ничтожность человека и величие того управляющего закона Судьбы, которому веками поклонялись под столь многими именами. Я повернулся к своему старому другу и с удивлением обнаружил, что и на него это зрелище произвело такое же впечатление. Душа его была потрясена, и на лице читалось крушение старых идей и ортодоксальных верований. Но мы еще не усвоили урок. Мы лишь перевернули первую страницу книги. Взрослые, как и дети, любят картинки. Через минуту нам предстояло увидеть одну из таких картинок, иллюстрацию, гравюру, выполненную резцом Судьбы, что навеки осталась запечатлена в наших сердцах.

Мы в молчании шли к центру громадного «Колонного зала», где еще сохранились остатки рухнувшей крыши, когда до нас донеслись негромкие рыдания, исходившие, казалось, из темного угла развалин — там, даже днем, таятся мрачные и почти непроницаемые тени.

То было нечто большее, чем рыдание: то был стон, раздававшийся из-за стиснутых зубов, нечеловеческий по своей силе, и стон этот, нарастая, превратился в голос боли и за-

метался от колонны к колонне, отдаваясь эхом в наших ушах и леденя горячую кровь, что еще мгновение тому текла по нашим венам. В неопишемом ужасе мы застыли, как вкопанные. Мы смотрели друг на друга, и наши побелевшие лица пугали нас самих в свете бледной луны, озарявшей все вокруг своим призрачным мерцанием. Жуткое молчание, последовавшее за криком, казалось невыносимым — я ощущал, как кровь волнами прилиwała к моему горлу, как она пела в ушах и проникала в мозг, пока каждый нерв и мускул не парализовал страх. Затем мы снова услышали этот душераздирающий крик — и в смятении чувств увидели его в тысячах форм и очертаний: он падал вниз из-под рухнувшей крыши, разлетался осколками, сталкиваясь с каменными идолами и разбитыми богами, пронзал стенаниями боли наш слух и заставлял замирать наши сердца.

Сомнений больше не оставалось — то был вопль души в смертельной агонии. И не обыкновенной души, но одной из тех чувствительных и в то же время сильных душ, что таят в себе свои горести и рыдают лишь в тишине ночи, когда рядом нет никого, кто мог бы разделить их гефсиманскую тоску. Мы инстинктивно бросились вперед, надеясь помочь, утешить, сделать хоть что-нибудь, но воспрепятствовать этому звуку повториться. Но не успели мы пробежать и несколько шагов по мягкому песку, как из теней показалось видение: молодой человек, тот самый, который так часто занимал наши мысли, тот, чье печальное и красивое лицо мы заметили в первый же день по приезде. Медленно, но твердо ступая, он дошел до центра зала и замер — недвижимый, как огромный идол, преградивший ему путь. Его волосы были откинуты назад, а сильные и мужественные черты, отмеченные болью и скорбью, резко и рельефно выделялись на фоне огромных колонн, стоявших по сторонам. Его свободная английская рубашка была расстегнута от горла до пояса, а руки прижаты к груди, как будто он намерен был вырвать свое сердце и разбить его о камни.

Чудилось, что он смотрел вверх, в самые глаза Небес, и в тот миг он казался больше, чем человеком — он был богом, *вопрошающим о милости Бога Всевышнего*. Но вне-

запно весь его облик изменился; он словно скорчился от боли и стиснул зубы, сиюсь подавить крик, готовый вырваться из глубин души. Он боролся, но боль была слишком сильна. Она вырвалась из него — вырвалась сквозь стиснутые зубы, и со стоном загнанного раненого зверя он зашатался и замертво рухнул на идола.

Секунду спустя старый профессор склонился над распростертым телом; он с женской нежностью смахивал крупные капли пота со лба страдальца, растирал неподвижные холодные руки, но несчастный не подавал никаких признаков жизни, и профессор встревоженно посмотрел на меня, а затем снова на тело, лежащее рядом с разбитым идолом. И вдруг мы заметили движение — движение, заставившее нас затаить дыхание в напряженном ожидании: что-то шевельнулось на груди под тонкой шелковой рубашкой, нечто, наполнившее нас ужасом и тревогой, будто предчувствие зла. Я невольно приблизился к незнакомцу и протянул руку, собираясь приподнять складки рубашки. При этом я коснулся чего-то, стиснувшего ужасом мое дыхание, чего-то столь чудовищного, столь отвратительного, что даже сейчас, когда я пишу эти строки, мне отчетливо припоминается давешнее ощущение. Моя рука соприкоснулась с чем-то холодным и склизким: оно жило там, двигалось под моими пальцами и извивалось, словно в муках. Я пригляделся внимательнее. То была голова змеи, и под моей рукой дрожали ее незрячие глаза! Хватило одного взгляда: я отшатнулся и упал без чувств от потрясения, которое, как счел в тот миг мой друг, оказалось смертельным — но в действительности лишь уложило меня на несколько недель в постель.

ГЛАВА III

Когда я пришел в себя, со мной был лишь мой старый товарищ. После ужасного эпизода в подземелье профессор с величайшим трудом дотащил меня до нашего жилища. Многие дни и даже недели он хранил молчание по поводу случившегося вслед за тем, как я потерял сознание. Наконец, однажды вечером он рассказал, что, как только я упал, незнакомец очнулся, открыл глаза и с удивленным, испуганным видом поспешно застегнул рубаху, затем вскочил на ноги и молча исчез среди развалин.

Но все-таки профессор не поверил в то, что я видел; напрасно я клялся и пытался переубедить его. В конце концов, решив успокоить и развеселить меня, он сказал, что такой эксцентричный путешественник вполне мог носить с собой в качестве домашнего животного змею, которую я и нащупал у него на груди.

Как-то вечером, когда мы сидели и обсуждали это странное происшествие, упомянутый путешественник медленно приблизился к нашей хижине. На мгновение нам показалось, что он собирался заговорить с нами — при виде меня в его глазах, казалось, блеснул радостный огонек — но вместо этого он лишь неторопливо приподнял шляпу, отвесил поклон и вновь удалился в направлении руин Эль-Карнака.

Профессор весьма обрадовался даже такому знаку внимания. Он успел решить, что таинственный незнакомец когда-нибудь и каким-то образом поможет разрешить столь занимавшую его загадку. Никаких реальных оснований для такого заключения у профессора не было — он просто чувствовал, что так и случится. Вероятно, его душа, посредством какой-то неопределенной интуитивной силы, уже соприкоснулась с возможностями будущего. Он был уверен в том, что будущее сулит раскрытие тайны, однако же, хоть искренне стремился к этому, не испытывал радости. Возможно, при взгляде в будущее душа его видела такие испытания и страдания, что сочла подобные лишения слишком высокой ценой за обещанное знание.

Мое выздоровление позволило нам возобновить наши исследования в Фивах. Каждое утро мы переправлялись через Нил и порой возвращались в хижину лишь поздней ночью. Снова и снова мы встречали в развалинах нашего странного англичанина, но он, казалось, по-прежнему избегал нас; даже добродушный профессор начал было приходить к выводу, что мы с бóльшим успехом могли бы попытаться завязать разговор со Сфинксом, но однажды утром, вследствие довольно заурядного события, стена оказалась пробита. Так часто бывает в жизни — успех ждет нас, когда мы перестаем строить планы.

Профессор уже долгое время делал слепки с некоторых иероглифов, обнаруженных на барельефах в коридорах. Соединив эти иероглифы вместе, он нашел, что они образуют некий ключ, и с помощью этого ключа начал перемещаться из коридора в коридор. В тот день, однако, он был совершенно сбит с толку иероглифом, выглядевшим достаточно несложным. Старик пытался так и эдак расположить слепки, надеясь продолжить работу — но решение все не приходило, и после многих неудачных попыток он со вздохом непритворного отчаяния бросил свое занятие. В эту минуту из бокового прохода показался не кто иной, как наш незнакомец. Он с первого же взгляда понял, в чем состояло затруднение профессора и, приподняв шляпу, обратился к старику:

— Если позволите, сэр, я покажу вам, где была допущена ошибка.

Не ожидая ответа, незнакомец изменил расположение слепков, и через несколько секунд все трудности остались позади.

Благодарность профессора не знала границ. Он рассыпался в восторженных восклицаниях, мешая английские и немецкие слова, и остановился только тогда, когда незнакомец спокойно произнес: «Вы находитесь только в самом начале; вы еще не решили загадку». Но надежду в сердце старика было не так-то легко убить. Он снова с благодарностью и радостью пожал молодому человеку руку и вернулся к работе.

Незнакомец исчез почти так же быстро, как появился. Но лед был сломан, и профессор нетерпеливо предвкушал новую встречу. Он буквально потирал руки от удовольствия, думая о том, что интуитивная догадка оказалась верна: этот странный человек владел тайной, потребовавшей столь долгих поисков. Незнакомец, заметил профессор, без малейших затруднений правильно расположил слепки, что было бы невозможно, не зная он значения иероглифов.

— Но на что, в конечном итоге, указывают ваши иероглифы? — поинтересовался я.

Старик указал на лежавшую перед ним таблицу со странными значками.

— Согласно этой таблице, — сказал он, — последний иероглиф, содержащий разгадку тайны, должен представлять собой комбинацию первых семи символов. Видимо, мы уже близко — пойдем и поищем его.

С этими словами он взял один из фонарей и двинулся вперед. Мы и впрямь были близки к концу пути. Сделав несколько шагов, мы очутились в той же маленькой камере, где побывали вместе с проводником во время первого посещения гробницы — и здесь, к моему изумлению, увидели вырезанный в центре потолка странный символ, который мы и искали, точную копию наброска профессора. Старик, с выражением удовлетворения и торжества на лице, дал волю своим чувствам, исполнив дикий танец — вероятно, казавшийся ему немецкой версией шотландского хайланда*. Но египетская жара не благоприятствовала таким гимнастическим упражнениям, и престарелый и почтенный ученый быстро выбился из сил.

Отдышавшись, он приступил к осмотру любопытного символа. Язык был ему неизвестен, однако он без особого труда установил, что символ, обладая собственным отличительным характером, в то же время являлся сочетанием первых семи знаков. С другой стороны, профессор был ничуть не ближе к разгадке, чем раньше. Он действительно обнаружил нечто странное и пропущенное другими археолога-

* Хайланд — сольный шотландский мужской танец.

ми. Но, в конце концов, это был всего лишь занятный фрагмент резьбы в пустой камере — иероглиф, лишенный смысла, возможно, что и дверь, но без ключа. Профессор тщетно прощупывал стены в поисках отверстия либо потайного хода и простукивал молотком пол и потолок. Звук везде был одинаков. Старик лишь пробудил эхо — эхо, которое подняло на смех его надежды, истаяло в пространстве и оставило его в отчаянии.

Прошло немало времени, прежде чем профессор сумел заставить себя признать, что после всех этих дней и недель напряженных исследований зашел в тупик. Он так усердно работал, превращая обнаруженные им знаки в путеводную нить, что вела его через запутанные лабиринты и подземные ходы, и так надеялся, что последний знак, состоящий из семи иероглифов — если только он будет найден — станет сезамом, открывающим дорогу к тайной гробнице, Эльдорадо его мечтаний. Увы! таинственный символ, вожделенный гептагон, был и вправду найден, но в самом невзрачном помещении, в простой глухой камере площадью не более десяти квадратных футов, выложенной фиванским мрамором и не отмеченной никаким другим знаком, надписью или иероглифом, кроме странного резного фрагмента в центре потолка. Вход в великую гробницу (при условии, конечно, что таковая существовала) оставался сокрыт и недоступен. В большом волнении профессор вновь ощупал каждый дюйм кладки, и его маленький верный молоток еще раз приступил к допросу пола и потолка. Все было напрасно. Я видел, как его глаза наполнились слезами, когда мы собрались уходить. Он не произнес ни слова, пока мы не подошли к нашей хижине, затем пожелал мне спокойной ночи, и я понял по его удрученному тону, что впервые в жизни он совершенно пал духом.

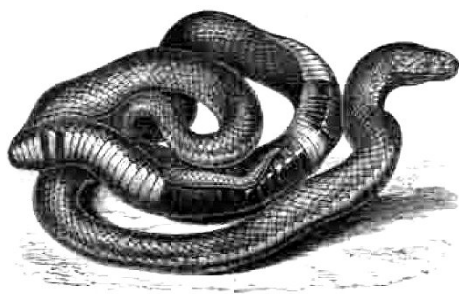
На следующее утро, однако, мы с новыми силами двинулись в путь, добрались до катакомб, нашли коридоры, по которым прошли накануне, и с некоторыми затруднениями вновь достигли маленькой комнаты, отмеченной единственным знаком, составленным из семи иероглифов. Снова и снова, призвав на помощь все свои способности и поз-

нения, профессор пытался вырвать у крепких стен ключ к тайному ходу и ускользающей цели, которую он надеялся — вопреки всему — все же достичь. Час проходил за часом без всякого результата; твердые гранитные глыбы отзывались жалобным эхо под металлическими ударами молотка, безжалостно отказываясь поведать свою тайну, пока наконец, усталый и измученный, бедный профессор не повалился на пол, предавшись на миг разочарованию и отчаянию. Мне не хотелось оставаться в камере и быть свидетелем его горя, и я, взяв фонарь, отправился на небольшую разведку в один из соседних коридоров. Я старался держаться главного прохода, не осмеливаясь в одиночку войти в какие-либо ответвления, так как боялся заблудиться в их запутанных лабиринтах. Не успел я углубиться в коридор, как наступил ногой на голое тело араба, отползавшего от камеры, где я оставил профессора. Очевидно, этот человек тайком подобрался к камере и слышал каждое произнесенное нами слово. Я с первого же взгляда узнал его — он принадлежал к той же шайке, из которой мы в первое утро по приезде выбрали себе проводника. Ожидая, что он бросится на меня, я быстро выхватил револьвер; но вместо нападения араб издевательски рассмеялся и, проклиная всех христиан, растворился в темноте. После этого происшествия я заторопился назад и был поражен и до крайности удивлен, услышав голоса, доносившиеся из камеры. Профессор остался там один! Я кинулся вперед, чтобы защитить его, если потребуется, однако же, к своему изумлению, обнаружил его не в окружении арабских злодеев, а в компании молодого англичанина. Профессор стоял в центре помещения, энергично пожимая обе руки столь заинтересовавшего нас молодого человека, и осыпал его искренними благодарностями.

Когда я приблизился, мой старый друг дрожащим от волнения голосом сказал, что незнакомец по собственной воле вызвался стать нашим проводником — и показать нам ту самую таинственную гробницу; ее местоположение было известно лишь ему и нескольким арабам.

— Да, — произнес незнакомец, обращаясь к профессору, — я покажу вам то, что вы ищете. Мне часто хотелось раск-

рыть кому-либо эту тайну, но я решил поделиться ею только с человеком, который осознает историческую и научную ценность гробницы, а не будет рассматривать ее лишь как *сокровищницу*, подлежащую разграблению. По этой причине я незаметно наблюдал за вашей работой. Я слышал все ваши разговоры. Сегодня я был так тронут вашим всепоглощающим разочарованием, что больше не мог удержаться и почувствовал себя обязанным сказать вам, что цель ваших усердных поисков находится совсем близко. Не благодарите меня. В иных обстоятельствах я, вероятно, использовал бы свои нынешние знания для собственной выгоды. Честь открытия, однако, бесполезна для меня на этом этапе моей несчастливой карьеры. Но поторопимся, нам некогда тратить время на слова — нас не должны видеть вместе, особенно здесь, иначе нам грозит опасность. Встретимся вечером у входа в эту гробницу, и я с радостью открою вам все.

ГЛАВА IV

С наступлением темноты мы, следуя указаниям молодого человека, переправились через реку у Эль-Карнака и направились к назначенному месту встречи. С тех пор я не раз задавался вопросом, почему в тот вечер мы с профессором были более обычного впечатлены красотой окружающего нас мира. Спускаясь по безмолвной, таинственной долине к «Гробницам Царей», мы невольно наслаждались блеском звезд, сиянием луны — и чем ниже мы спускались в долину, тем большие опасения вызывала у нас предстоящая задача. Что бы это могло предвещать?

Холмы, скрывавшие некрополь царей, вздымались в ночной тишине темными и зловещими громадами и резко вырисовывались на фоне неба. Входы в гробницы походили на черные голодные рты — разинутые пасти вампиров, алчущие живых или мертвых тел, и сам воздух, казалось, трепетал от неясных предчувствий, смысл которых мы были не в состоянии осознать. Последнюю часть пути мы проделали в молчании и с истинным облегчением разглядели наконец фигуру нашего странного друга, расхаживавшего взад и вперед перед знакомой усыпальницей.

Он заранее строго-настрого приказал нам не зажигать фонари и стараться ничем не привлечь внимание арабов на улицах Эль-Карнака, а также остерегаться слежки — и теперь сразу же спросил, не наблюдал ли кто-нибудь за нами. Мы ответили отрицательно: насколько мы могли судить, нас никто не заметил. Убедившись таким образом, что у гробниц не затаились никакие арабы, наш новый друг все же решил проявить осторожность и заявил, что в гробницу нам придется пробраться на четвереньках; лишь оказавшись достаточно глубоко под землей, мы сможем зажечь фонари.

Наш странный проводник пополз впереди, за ним двинулся профессор и последним я. Медленно и бесшумно мы спускались все глубже и глубже в усыпальницу. На каждой развилке англичанин поджидал нас и указывал путь из одного коридора в другой. Темнота нависала непроницаемым

пологом, жара и духота были почти невыносимыми. Тишину нарушали лишь потревоженные нами большие летучие мыши — хлопая черными крыльями, они пронеслись мимо и исчезали. Один раз нам показалось, что позади раздался голос; мы стали прислушиваться, но звук не повторился. Придя к заключению, что напряженные чувства обманули нас, мы осторожно двинулись дальше.

Наконец, наш спутник счел возможным зажечь фонари, и при свете их лучей мы вскоре достигли маленькой камеры со странным, таинственным символом семи.

Повернувшись к профессору, наш спутник сказал:

— Как видите, сэр, я в точности следовал маршруту, который вы с завидной тщательностью и проницательностью наметили с помощью обнаруженных вами знаков. Вплоть до этого момента все ваши расчеты были верны, но дальше вы не продвинулись бы, разве что по счастливой случайности раскрыли бы секрет. Египтяне всегда славились своими архитектурными ухищрениями. Мир не перестает дивиться тому, как они передвигали и размещали огромные каменные глыбы, из которых сложена пирамида Хеопса. Но что бы вы подумали, скажи я вам, что и эта камера представляет собой настоящее чудо: одна из ее стен на самом деле является вращающейся дверью, и открыть ее, зная секрет, может любой ребенок.

С этими словами он посмотрел вверх, на странный символ в центре потолка, затем под определенным углом поставил ногу на чуть истертый участок пола. Правой рукой он легко прикоснулся к стене камеры — и, к нашему глубочайшему изумлению, вся стена повернулась на оси, оставив по сторонам довольно широкие входы. Мы с удивлением вошли и обнаружили себя в камере, во всем напоминавшей предыдущую.

Наш спутник повторил свои действия, и колоссальный камень с негромким скрипом сдвинулся и встал на прежнее место.

Пройдя через вторую камеру, мы очутились в узком коридоре, а тот, в свою очередь, привел нас к внутренней стороне перевернутого каменного конуса. Мы уже пригото-

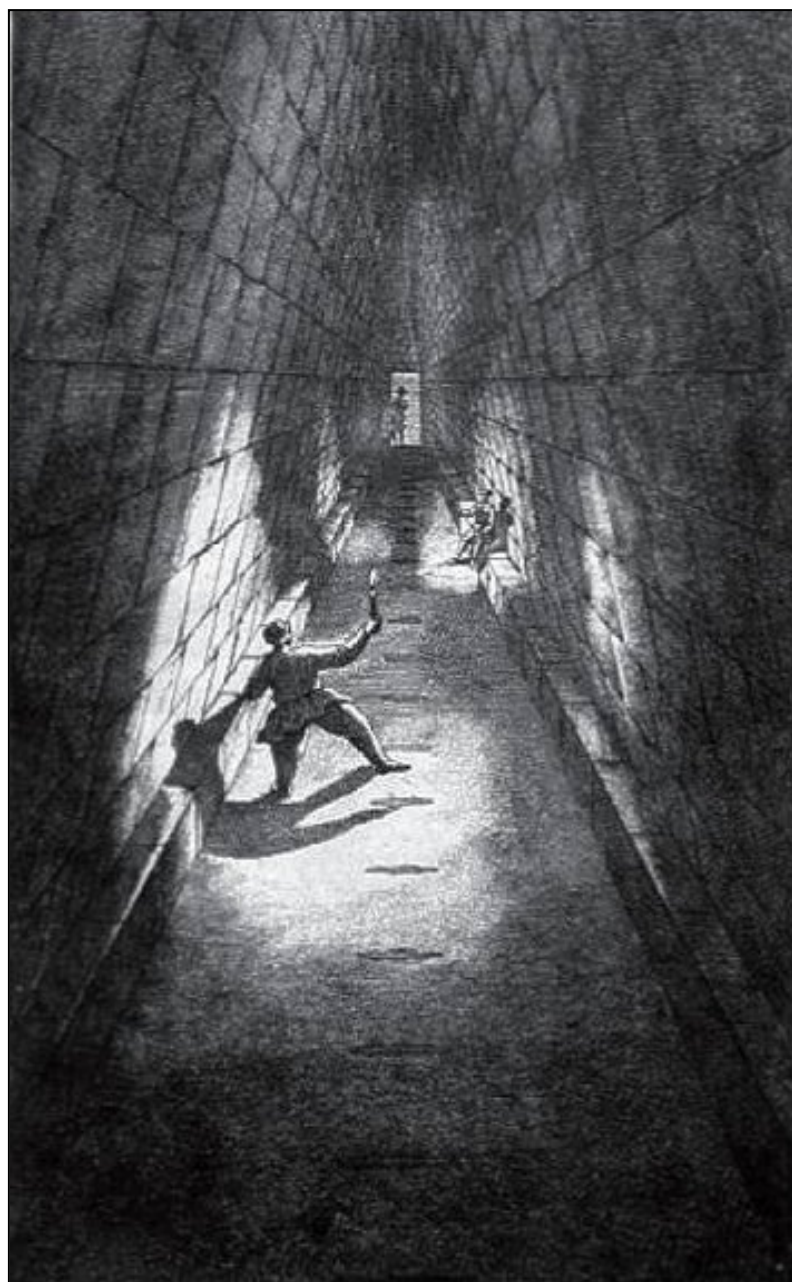
лись к спуску по наклонной стене, когда наш спутник указал на огромный каменный блок, установленный на краю конуса — малейшее прикосновение нарушило бы его шаткое равновесие, заставив камень рухнуть на дно.

— Этот камень, — сказал англичанин, — был помещен там на случай опасности. Если он упадет, — медленно добавил он, — гробница внизу будет запечатана навсегда.

При спуске мы были вынуждены все время огибать конус, словно двигаясь по спиральной резьбе огромного винта. Несколько раз мы оказывались под каменной глыбой, и я невольно содрогался от страха, боясь, что она внезапно сорвется и упадет. Наконец мы достигли основания конуса и на мгновение остановились под небольшой аркой, пораженные зрелищем, что открылось нашим глазам. Мы стояли на пороге великолепной усыпальницы, превышавшей по размеру даже «Палату царя» в Гизе*. Гробница, с очень высоким сводом, была выстроена в форме семигранной пирамиды; стены и пол, облицованные полированным фиванским мрамором, отражали и усиливали слабый свет наших фонарей, отбрасывая лучи во всех направлениях. В семи углах усыпальницы покоились на возвышениях семь мумий; благодаря их расположению возникавшее в камере эхо малейшего звука и шепота передавалось от одной мумии к другой, пока, обойдя по кругу все семь саркофагов, не возвращалось в исходную точку с удвоенной силой.

Профессор, не подозревая об этом поразительном акустическом феномене, первым испытал его на себе. Совершенно очарованный увиденным, старик задержался на пороге чуть дольше нас, трепетно снял свою поношенную соломенную шляпу, и в этот миг с его губ сорвалось: «О Боже! Как чудесно! как чудесно!» Мумия за мумией, казалось, стали повторять эти слова и, когда они громко донеслись со стороны седьмого саркофага, старик оперся на мою руку, а его дрожащие губы невольно произнесли литанию мертвым — и снова странное, таинственное эхо пробежало по своему

* Палата (Камера) царя — одно из помещений Великой пирамиды в Гизе; площадь его составляет около 55 кв. м.

подземному кругу, метнулось обратно к профессору, затем вознеслось к своду и затихло.

Эффект подобного явления в гробовой тишине усыпальницы легче вообразить, чем описать. Нами овладело чувство благоговения и почтения к могущественным мертвецам. Современная раса показалась нам народцем пигмеев, наши достославные изобретения — ничтожными в сравнении с интеллектом и научными познаниями мертвых египтян, которые тысячи лет назад придумали и построили все эти удивительные сооружения.

Но увы! какая сцена грабежа и вандализма предстала перед нами, когда мы вошли в погребальную камеру!

Все саркофаги, кроме одного, были вскрыты, и даже тот не избежал рук грабителей — не то из арабов, не то из более ранних народов — вторгшихся в чудесный подземный склеп. Большинство мумий подверглись самому безжалостному обращению. Некоторые были непристойно обнажены и лишились всех своих льняных бинтов, но чаще грабители просто срывали бинты с груди и забирали драгоценности. Кем бы ни были эти мародеры, все вокруг говорило о том, что они действовали с лихорадочной и безрассудной поспешностью. Казалось, будто вихрь пронесся над этим склепом: ожерелья и кольца были разбросаны тут и там по полу, а у самого входа лежал скелет взрослого мужчины: он упал, сжимая в жадных руках пригоршни драгоценностей и, очевидно, умер мгновенно. Поза и внешний вид скелета, а также близость его к входу говорили сами за себя — судя по всему, грабитель был застигнут врасплох какой-то внезапной опасностью и попытался спастись, унося все, что чего успел дотянуться; и однако, по непонятной причине он, пойманный с поличным, упал на пол, чтобы никогда больше не подняться.

Закрытый саркофаг представлял для профессора особый интерес. Он стоял отдельно от остальных семи и занимал почетное место почти в центре гробницы. Он также отличался от других по форме и не был украшен никакими египетскими символами, за исключением одного любопытно-го знака, который профессор начал жадно рассматривать. До-

став из кармана несколько рисунков, он внимательно изучил их и сравнил со знаком на саркофаге. Наконец, торжественно подняв глаза, он в сильном волнении сказал:

— Если я прав и здесь нет никакой ошибки, это станет наиболее ценным открытием из всех, совершенных до сих пор в области истории Древнего Египта!

Успокоившись, он объяснил, что величайшей загадкой для всех египтологов был и остается пустой саркофаг, обнаруженный в Великой пирамиде — пирамиде Хеопса. Затем он вкратце сообщил нам, что в сочинениях Диодора*, а именно в описании пирамид, относящихся к периоду Хеопса, ясно сказано: «Хотя этот царь предназначал пирамиду для своей гробницы, случилось так, что он не был там погребен. Ибо народ, раздраженный изнурительным трудом, грозился разорвать его мертвое тело на куски и с позором выбросить из гробницы, вследствие чего, умирая, царь велел своим приближенным устроить похороны в другом месте».

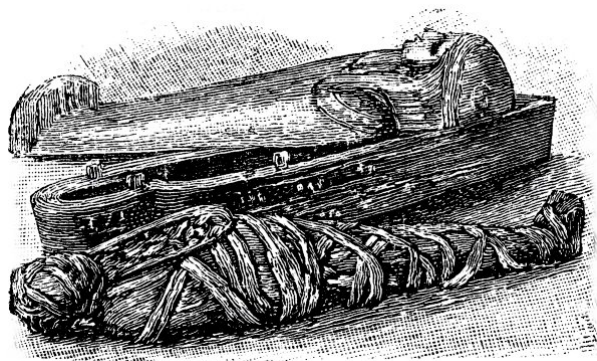
— Этот любопытный знак, — продолжал профессор, — является точной копией того, что был найден в Великой пирамиде среди надписей, относящихся к первой династии; поэтому вполне логично будет заключить, что в саркофаге, находящемся перед нами, покоится не что иное, как утраченная мумия Хеопса. Мы должны вернуться сюда завтра...

Профессор не договорил: одновременно с его последними словами до нас донесся негромкий, но зловещий звук.

Мы бы и не расслышали этот слабый звук, не подхватив его эхо гробницы, вселив ужас в наши сердца и пробежав холодной дрожью по каждому нерву и вене. Звук исходил из отверстия большого конуса, через который мы спустились. Этого было достаточно, чтобы понять: нас выследили, и через секунду мы окажемся лицом к лицу с судьбой — судьбой столь чудовищной, что ее невозможно даже вообразить.

* Имеется в виду Диодор Сицилийский, древнегреческий историк I в. д. н. э., автор монументальной и лишь частично сохранившейся *Исторической библиотеки*. Следующая далее цитата представляет собой достаточно приблизительный пересказ.

Мы машинально бросились к выходу. Слишком поздно! Издевательский, дьявольский смех предупредил нас об опасности. В следующий миг раздался глухой рокочущий шум, а затем оглушительный грохот, прозвучавший в наших ушах канонадой тысячи пушек. Мы поняли, что камень рухнул вниз и отверстие было запечатано навсегда!

ГЛАВА V

Я не стану подробно описывать наши чувства: довольно будет довериться воображению читателя, чтобы представить, какую муку могла причинить нам сама мысль о вечном заключении под землей, погребении заживо! Чем больше утрата, тем спокойнее человек ее зачастую переносит, и то же, я полагаю, происходит под воздействием любого внезапного и сильного удара судьбы. Неожиданность всякой новой ситуации, будь то несчастье или успех, часто на какое-то время изгоняет из сознания тревогу. Старый профессор, который двенадцать часов назад чуть ли не плакал, как ребенок, будучи уверен, что не сможет достичь своей цели — теперь, пред лицом угрозы жуткой гибели, оставался невозмутим, как будто в этот момент был занят повседневной работой в отделе мумий Британского музея. Собственно говоря, на свет была извлечена и маленькая немецкая трубочка — но на сей раз профессор не собирался ее полировать до блеска эбенового дерева. Ах, нет! он лишь нежно сжимал ее нервными пальцами, как руку старого друга в час расставания.

Что же до нашего нового товарища, то он больше молчал, а немногие его слова, произнесенные прерывистым голосом, явственно свидетельствовали, какие страдания он испытывал из-за ужасного несчастья, которое нечаянно навлек на нас. Он не намеревался сдаваться, не испробовав все способы выбраться из подземелья. Но разве можно было бежать из подобной тюрьмы, из могилы, что сама была похоронена под склепом, из места, предназначенного оставаться тайным и столетиями пребывавшего неведомым? Надежды нет: тот дьявольский смех араба, вероятно, будет последним земным звуком, который мы услышим.

О Боже, какой ужас! Неустанные шаги вокруг мрачной тюрьмы, наши руки, шарящие по камням, глаза, утомленные темнотой, и сердца, отягощенные безнадежностью! Мы то и дело вздрагивали, замирая от страха, когда наш шепот порождал странное эхо, и подобие наших слов возвраща-

лось к нам, словно исходя из мертвых уст застывших мумий, столько веков пролежавших в этой холодной, темной могиле.

В центре камеры находился колодец, огромная черная дыра, уходящая в недра земли, точно такая же, как в центре пирамиды в Каире. Не питая никаких надежд, мы снова и снова приближались к краю этого колодца и светили вниз фонарями, глядя в жуткую, безграничную черноту и гадая, придет ли к нам помощь из бездонных глубин.

Вскоре один из наших фонарей погас. Это напало на нас, что близилась минута, когда мы и вовсе лишимся света. Как дети, мы жались друг к другу, охваченные ужасом от собственной беспомощности; подавленные и молчаливые, мы опустились на пол рядом с закрытым саркофагом, давно забывшим историю заключенной в нем мумии.

Со временем затихли последние слова. Час проходил за часом, и нам оставалось только ждать без всякой надежды на спасение, зная, что впереди нас ждет абсолютная темнота.

Лишь немногие, очень немногие способны осознать, что означает подобная тьма, вообразить это ощущение безымянного ужаса, что сжимает сердце и чудовищной свинцовой тяжестью падает на чувства, буквально вдавливая человека в землю. Какие необыкновенные видения и галлюцинации проходят тогда перед глазами! Все кружится, порой где-то в пространстве начинают плясать странные огоньки, похожие на разноцветных светлячков, затем из темноты появляются белые пятнышки, которые принимают облик мыслей, превращаются в призрачные, пугающие и фантастические безликие фигуры с искаженными формами — исчезают, чтобы вернуться — и возвращаются лишь для того, чтобы мучить, терзать и снова исчезнуть.

Ко всему ужасу нашего положения прибавилось и другое: температура в склепе, как мы заметили, быстро падала. Возможно, крайне угнетенное состояние духа сказалось на нашем кровообращении; но, как бы то ни было, холод постепенно проникал внутрь и пробирал нас до мозга костей. И, словно мук холода, темноты и пленения было мало,

мы вскоре начали опасаться, что нас ожидает еще одно несчастье.

Наш странный молодой спутник, казалось, страшно страдал от холода: он весь дрожал, и я чувствовал содрогания его тела. Я стянул с себя куртку и накинул ее на плечи англичанина. Внезапно послышался слабый стон, очень похожий на тот, что мы слышали прежде. Я схватил профессора за руку. Он тоже услышал стон и приподнялся, прислушиваясь. И вновь мы услышали тихий стон, но теперь в отдалении. Мы протянули руки — и встретили пустоту: нашего несчастного спутника не было рядом, и мы услышали, как он отползал в дальний угол, чтобы страдать там в одиночестве.

У нас не хватило духу зажечь спичку и вытащить страдальца из его убежища. Мы инстинктивно понимали, что ничего хорошего из этого не выйдет, и потому вынуждены были молча слушать сдавленные стоны, время от времени срывавшиеся с его губ. Наконец его муки достигли апогея, и мы ощупью пробрались через склеп к укрытию нашего спутника, где обнаружили, что конвульсии прекратились, а бедняга в изнеможении лежит на полу.

Бережно и осторожно мы помогли ему подняться и вернуться под сень загадочного саркофага, словно ставшего нашим домом в этом мрачном подземелье. Мы ни словом не упомянули о его страданиях или их причине — и были весьма удивлены, когда он по своей воле начал тихо рассказывать нам свою историю.

ГЛАВА VI

— Я чувствую, что обязан поведать вам причину моих страданий, — слабым голосом произнес англичанин, опираясь спиной о закрытый саркофаг. — После этого вы вполне поймете, что ничем не сможете мне помочь или избавить меня от мук. Есть и еще один повод, заставляющий меня говорить — вы можете назвать это слабостью, но подобная слабость свойственна всем людям: я имею в виду желание облегчить душу, исповедаться во всех гнетущих сердце тайнах в тот миг, когда близится конец, прилив жизни сменяется отливом и отхлынувшие волны и пена обнажают все потаенные мели, пески и клубки водорослей.

Через несколько часов, я уверен, мои губы навечно замолчат. Я вынужден сделать это признание по причине, которую объяснит сама моя история; но если случится так, что вы все же сумеете спастись, я прошу вас, в качестве последнего милосердного деяния, навсегда оставить мое тело в этой гробнице.

Для того, чтобы я мог объяснить вам странные события, те звенья цепи Судьбы, что неодолимо влекли меня по волнам жизни и привели сюда, я должен рассказать вам о некоторых обстоятельствах из прошлого моих родителей и моего собственного детства.

Примерно в те годы, когда я появился на свет, мой отец, полковник Ченли, командовал важнейшим гарнизоном на севере Индии, у границы с Афганистаном. Он был ветераном индийской службы, и туземцы во всех уголках страны хорошо знали и боялись его. Полковник был человеком справедливым, но чрезвычайно суровым и непреклонным в исполнении правосудия. Ко времени женитьбы он уже вошел в лета, и друзья считали его закоренелым холостяком. Было немало толков, когда он внезапно объявил о намерении жениться и выбрал себе в невесты единственную дочь своего старого товарища, майора Апхема.

Моя мать, хоть и вышла замуж в молодом возрасте, успела приобрести значительный опыт в индийской армей-

ской жизни и потому была хорошо приспособлена к выполнению многочисленных социальных обязанностей, ожидавших ее в роли жены командующего гарнизоном офицера. Как и в случае моего отца, все ее предки в течение многих поколений служили в армии, и, как и он, по большей части имели отношение к Индии. Это в определенной степени объясняет ее высокомерное и властное отношение к туземцам. При каждом удобном случае ее предрассудки давали о себе знать. Ее снова и снова предупреждали, что она подвергает себя большой опасности, навлекая на себя ненависть подобной расы, но ни предупреждения, ни угрозы не могли изменить ее чувств или хотя бы заставить ее вести себя более дипломатично. Выйдя замуж, она вознамерилась изгнать из окружи всех чудотворцев, чародеев и им подобных; настроена же она была так решительно и враждебно, что не ограничилась обычными факирами, жонглерами и фокусниками и дошла до преследования безобидных йогов и мистиков, которые встречаются во многих провинциях Индии.

Одного из них, однако, ей никак не удавалось ни запугать, ни изгнать. Это был человек преклонных лет, йог или мистик высшего порядка, живший высоко в горах, откуда открывался вид на гарнизонный лагерь моего отца. Туземцы верили, что этот человек обладал необычайной способностью предсказывать бедствия, болезни или смерть за недели и даже месяцы до их наступления. Когда он появлялся где-либо в деревне, все тотчас бросали всякую работу. Завидев его, жители выходили ему навстречу и в зловещем молчании следовали за ним, пока он, будто в трансе, не доходил до деревенской площади. Здесь он глубоким, звучным голосом произносил свое предсказание и так же таинственно, как появлялся, исчезал в горах.

Поскольку йог был окружен почтением туземцев, с ним непросто было справиться, но моя мать не упускала случая высмеять невежественные туземные суеверия, а в пример дурного влияния на легковверных приводила притязания йогога на пророческий дар. Так продолжалось почти до самого моего рождения. В то время ожидались кое-какие ослож-

нения с африди* на афганской границе, и к нам в подкрепление был направлен еще один полк солдат. В индийских гарнизонах было принято по прибытии нового полка устраивать балы и увеселения, чтобы приветствовать пополнение на новом месте. То был первый бал, который давала моя мать со времени замужества; ей очень хотелось сделать его незабываемым для гостей, и она решила приложить к этому все свои силы. Все было устроено на славу. Бал должен был проходить в казармах, и главное здание и вся территория вокруг были весело украшены вымпелами и флагами. Лагерь приобрел праздничный вид — что, я думаю, весьма порадовало новоприбывших.

Все шло хорошо, пока где-то в разгар бала из темноты не выступила странная, дикая фигура. Пройдя через балльную залу среди танцующих, йог поднялся на помост, где сидела моя мать, и низким, звучным голосом произнес то, чему суждено было стать его последним предсказанием. Еще не наступит рассвет, сказал он, как гарнизон будет атакован и почти полностью уничтожен.

В последовавшей суматохе старик, возможно, и скрылся бы, но моя мать бросилась за ним и велела часовым задержать его и поместить под арест.

Вернувшись в залу, она высмеяла и йога, и его предсказание. Вновь заиграла музыка, и веселье и танцы возобновились.

Часа через два в одной из комнат возник небольшой пожар, который без труда потушили. Чуть позже, однако, пламя объяло всю крышу; когда танцоры, музыканты и зрители начали в тревоге разбегаться, раздался громкий звук горна. Не успели офицеры и солдаты схватиться за оружие, как многие из них были пронзены копьями и смяты свирепой бандой африди, подкравшейся под покровом ночной темноты к беспечным гулякам. В первые несколько минут повсюду царило страшное смятение, но солдаты быстро сплотили ряды и после упорного боя, продолжавшегося бо-

* Африди (афридии) — племенное объединение пуштунов, населяющее некоторые районы Западного Пакистана, Афганистана и Индии.

лее двух часов, отогнали захватчиков обратно в горы и восстановили порядок, что стоило им значительных потерь убитыми и ранеными.

Утром моя мать настояла на допросе старика — тот все это время оставался запертым в камере. Во время допроса йог не проронил ни слова. Он продолжал молчать даже тогда, когда солдаты обыскали его жилище в горах и вернулись с бумагой, испещренной мистическими символами; посередине листа было записано точное время нападения. В конце концов его, на основании косвенных улик, осудили за сговор с повстанцами и вывели на казарменный плац для расстрела. Стыдно признаться, но моя мать стояла рядом с отцом, наблюдая за казнью йога.

Перед тем, как была отдана команда стрелять, она подошла к старику и стала уговаривать его чистосердечно признаться в причастности к ночной трагедии. Выпрямившись во весь рост, йог гордо отвечивал:

— Мадам, мне не в чем признаваться. Смерть для йогов — ничто. Мы умираем, чтобы жить. Преступление, которое вы собираетесь совершить, повлечет за собой собственное наказание. Я не желаю избежать своей судьбы, вы же не укроетесь от своей, как и ребенок, которого вы вскоре произведете на свет. Я все сказал. Убейте меня.

Она презрительно отступила назад, прозвучала команда, ружья выстрелили, и старик упал, изрешеченный пулями. В то же мгновение мучительный крик боли и ужаса заглушил грохот выстрелов, и моя мать опустилась без чувств на руки отца. Когда дым рассеялся, стало очевидно, что с ней произошло нечто жуткое и устрашающее. Что-то, похоже, поднялось из травы и кинулось на нее — но что это было, никто не знал. «Что-то испугало меня», — вот и все, что мать смогла сказать. Ее отнесли в уцелевшую от пожара часть казарм, и там она провела несколько месяцев вплоть до преждевременных родов, объяснявших ее испугом.

Такова была история моего рождения, которую я услышал, когда достаточно для этого повзрослел. Лишь много лет спустя я узнал, что именно поразило или испугало мою мать в то ужасное утро.

Через некоторое время она оправилась и почувствовала себя в силах выдержать морское путешествие. И тогда, к удивлению всех, кто знал ее честолюбивую натуру, она настояла на том, чтобы мой отец вышел в отставку и вернулся в Англию. Я был увезен из Индии младенцем, воспитывался на юге Англии и долгое время был даже убежден, что родился в небольшом и тихом имении моего отца, среди долин Девона. Я был уже взрослым юношей, когда однажды вечером отец поведал мне историю моего появления на свет. К слову, то был последний вечер, что мы провели вместе: вскоре я поступил в колледж, а моего отца убедили занять важный пост на государственной службе и вернуться в Индию.

Некоторые поговаривали, что только виды на титул заставили мою мать согласиться на это. Год шел за годом, отец оставался в Индии, и люди начали дивиться тому, что мать не желает к нему присоединиться. Объяснение быстро нашлось, так как она не делала секрета из своей неприязни к Индии, и пересуды утихли.

Не припомню никаких темных облаков, что омрачали бы мою радостную юность. Все знавшие меня предсказывали мне блестящую карьеру. И верно, в те дни почти все мои замыслы или начинания увенчивались успехом. Занятия в колледже были удовольствием, а не трудом, и закончил я с отличием. Вскоре после того, как мне исполнилось девятнадцать, студенческие дни подошли к концу, и я вернулся домой, собираясь провести несколько месяцев под отчим кровом, прежде чем решить, к чему приложить свои дарования.

Дома я нашел ласковое письмо от отца; в нем он сообщал, что через месяц отправится в Англию в длительный отпуск. Я очень обрадовался этому известию и на следующее утро поехал в ближайший городок, чтобы послать ему телеграмму с поздравлениями. По дороге мне пришлось миновать дом священника, и я придержал лошадь, заметив ректора в дальнем конце розария и собираясь помахать ему с дороги в знак приветствия. Но ветви розовых кустов вдруг раздвинулись, и передо мной вместо почтенного свя-

ценнослужителя предстало милое молодое лицо. Когда я соскочил с дороги и взял в свои руки мягкую белую ручку, темные глаза девушки поднялись на меня, и со взглядом узнавания мы оба почувствовали, что ангел любви впервые вошел в тайные покои наших сердец.

Да, маленькая подружка моих детских игр превратилась в женщину. Как ни странно, она вернулась из школы в Германии в тот самый день, когда я вернулся из колледжа. Я почти забыл ее за годы моего отсутствия, но одно прикосновение ее руки, один взгляд ее глаз смахнули паутину лет, и я снова увидел Люси Марсден — ах, как давно это было! — в ее маленьком белом платье с розовыми лентами, и вспомнил, как в детстве мы однажды утром удивили священника, торжественно подойдя к нему и попросив нас поженить.

Теперь она выросла и стала женщиной. Ее глаза, казалось, попрекали меня за то, что я все еще видел в ней ребенка.

Я не стал дожидаться священника и, не вполне понимая зародившееся в сердце чувство, взял розы, которые она мне подарила, прижал их к губам и поехал прочь — позабыв, должен признаться, о цели своей поездки.

Первое облако появилось по возвращении домой. Мать заметила розы и, к моему изумлению, очень огорчилась тем, что Люси Марсден вернулась. Она всеми силами старалась изменить мое отношение к девушке и в конце концов заявила, что я должен пообещать ей больше никогда не видеться с Люси. Это было первое недоразумение, возникшее между нами. Тогда-то я и увидел мать в истинном свете — и был потрясен, потому что она, например, под самыми хитроумными предлогами пыталась помешать моим визитам в дом священника.

Но Любовь — это выражение жизни, даже нечто большее, чем породившая ее жизнь. Мы с Люси стали неразлучны. Однажды, решив проверить искренность и постоянство своего чувства, я решил на время отказаться от встреч с нею, но быстро обнаружил, что успел отдать ей все сердце, всю душу, все чувства благородной привязанности и люб-

ви, какие когда-либо отдавал мужчина или принимала женщина. И однажды ночью, когда мы бродили в лунном свете среди роз старого девонширского сада, я признался ей в любви, рассказал о своих замыслах, о видах на будущее — и, глядя на звезды, ставшие нашими свидетелями, мы перед лицом Бога, которому оба поклонялись, поклялись вечно любить друг друга.

Быстро пролетели несколько радостных дней. Мы были так счастливы, что по ночам со страхом думали, не принесет ли нам новое утро какое-нибудь горе. Да, мы почти боялись нашего счастья, потому были всего лишь смертными и знали, что ничто смертное не может длиться вечно, и каждое мгновение приносило нам и страх, и радость.

С тех пор я часто задавался вопросом, почему Бог создал любовь: ведь цена, которую мы платим за нее, порой затмевает спасение души. Какой пустяк — утратить покой после смерти, ибо дух не знает сердечной боли. Но знать, что такое любовь, и потерять любимую, быть вынужденным жить дальше, проживать минуту за минутой, каждая из которых тянется, как вечность, иметь живое тело, требующее заботы, одежды, пищи, в то время как сердце внутри его давно умерло — это, на мой взгляд, гораздо худшая кара, чем часто выставляемые напоказ муки проклятых грешников.

Но лишь немногие воистину любили, и для многих и многих подобные слова останутся бессмысленными. Люди, как правило, лишь хотят, желают, жаждут обладать — но не любят! Они злоупотребляют понятием любви и в своей ограниченности ищут истолкования его священного смысла в школьных учебниках.

Любить по-настоящему, любить сердцем и душой, умом и телом — значит быть богоподобным, это единственный человеческий способ приблизиться к Божеству, и для чистых и верных сердцем это означает творить не что-либо одно, а все мироздание, новое небо и новую землю, и видеть в исполнении мечтаний все совершенство будущего мира грез.

Так было с нами. Но мы были детьми земли, нами пра-

вили законы причин и следствий, и безрассудство других обрекло нас на гибель.

В одно роковое утро пришло известие, что мой отец по случайности погиб. Люди обычно называют подобные вещи случайностью или волей случая, когда речь идет о чем-то плохом, если же наоборот, говорят о воле Божьей.

После того, как тело моего отца было предано земле на мирном церковном кладбище в Девоне, я обнаружил, что управление всеми его землями и капиталами целиком и полностью сосредоточилось в руках моей матери, за исключением чайной плантации в Индии, которую отец недавно приобрел и завещал мне по достижении совершеннолетия. Мать мать, не теряя времени, воспользовалась законными полномочиями, которыми была так неожиданно наделена, дабы расстроить то, что она предпочитала называть *мезальянсом*. Напрасно я умолял ее. Напрасно протестовал. Однако, невзирая ни на что, я твердо решил жениться на Люси, и готов был отправиться хоть на край света, чтобы этого добиться. Силясь мне помешать, мать оставалась глуха к моим мольбам, и вскоре я понял, что во имя успеха буду вынужден прибегнуть к более решительным мерам.

Через несколько месяцев я должен был достичь совершеннолетия. Убедившись, что мать намеревалась и впредь держать меня в своей власти, продав плантацию до того, как я ею завладею, я не видел другого выхода, кроме как отправиться в Индию и попытаться предотвратить любые ее действия в этом направлении.

Я сообщил матери о своем решении лишь в утро отъезда. Багаж был уже погружен и двуколка ждала у двери, когда я вошел в ее комнату, чтобы попрощаться.

Я приготовился к сцене, но уж точно не к такой бурной, что последовала за этим. Когда я сказал, что уезжаю в Индию, мать сначала просто пыталась отговорить меня от поездки; потом, в свою очередь, стала умолять, после угрожать и наконец, когда я кинулся вон из комнаты, упала на софу и зарыдала: «Куда угодно, куда угодно, мальчик мой, только не в Индию!» В ее словах прозвучало нечто такое, что заставило меня заколебаться. Я остановился и повернулся к

ней; думая, что она смягчилась, я в последний раз спросил, даст ли она согласие на мой брак. Но при одном упоминании об этом предмете она снова стала такой же непреклонной, какой была минуту назад. Дальнейшие споры были бесполезны. Я попрощался, вышел из комнаты и вскоре уже был на вокзале.

С Люси я попрощался накануне вечером. Она также слезно уговаривала меня не уезжать, и я со странной тоской и дурными предчувствиями бросил взгляд из поезда в сторону дома священника и увидел — или лишь представил себе — бледное личико среди роз у ее окна и маленькую белую руку Люси, помахавшую мне на прощание.

Я пытался успокоить себя, повторяя снова и снова, что должен был уехать ради ее же блага. «Я должен обеспечить ее деньгами и положением, — размышлял я. — У нее должно быть все, что может дать мир». Но слова матери: «Куда угодно, куда угодно, мальчик мой, только не в Индию!» продолжали звучать в моих ушах, наполняя меня мрачными мыслями и предчувствиями, которые я тщетно пытался прогнать.

Во время плавания я решил, покончив с деловыми вопросами, посетить с кратким визитом места, где я родился. Я живо вспомнил рассказ отца и попытался вызвать в воображении суровые горы и странные, трагические события, что произошли незадолго до моего рождения. Желание отправиться туда стало непреодолимым.

Добравшись до Индии, я принялся улаживать дела, связанные с плантацией. К счастью, по закону она должна была очень скоро стать моей, и это облегчало мою задачу. Я рассчитывал, вступив в права владения, продать плантацию и немедленно вернуться к Люси. Но ах, как мало знаем мы, рабы под властью той же Судьбы, что усаживает какого-нибудь Наполеона на трон и ведет новоявленного Иуду к гибели!

Неделя шла за неделей и задержка следовала за задержкой. Пьяный солдат-англичанин ударил сипая — начался бунт, и все государственные дела остановились. Неверно записана телеграмма — и все деловые переговоры на время

прекращаются. Все это мелочи — да, мелочи! Но увы, какие действенные мелочи! Какие фатальные!

В итоге случилось так, что я достиг совершеннолетия в Индии — о да, достиг, и имущество стало моим, но знайте, что я обрел и иное, нежданное наследие.

В то утро, когда моя душа должна была бы ликовать, я проснулся от духоты. Жара была невыносима, даже в такой ранний час. Облегчения ради я откинул одеяло и почувствовал странную пульсирующую боль в левом боку, которую я не мог объяснить.

Измученный болью, я опять заснул. Снова и снова, как мне показалось, я видел один и тот же сон. Мне чудилось, что в комнату входит отец и, наклонившись, шепчет мне на ухо:

— Семя, что было посеяно, дождется жатвы, кем бы ни был жнец. Будь стоек, ибо нет другого закона, кроме закона Бога. Природа и судьба — его слуги.

Слова эти еще звенели у меня в ушах, когда я проснулся — проснулся с чудовищной, ноющей болью, которая стала еще сильнее, чем прежде, и жутким ужасом перед чем-то, что я не мог объяснить и еще меньше понять. Хотя я весь день оставался в расстроенных чувствах, я написал Люси длинное и призванное казаться бодрым послание. В своем последнем письме она немало удивила меня, сообщив приятную, по ее мнению, новость: моя мать совершенно изменила свое отношение к ней, что очень обрадовало Люси; она несколько раз побывала в гостях у моей матери и в вечер того дня, которым было датировано письмо, собиралась к ней снова, чтобы поговорить обо мне и нашем будущем.

Сперва я решил, что подобные визиты необходимо прекратить. Невинные слова Люси наполнили меня дурными предчувствиями. Но в следующую минуту я не мог не устыдиться своей сыновней холодности и потому просто написал, что и вправду удивлен такой переменой в поведении моей матери и надеюсь, что общение с ней не вызовет у Люси никаких сожалений. Я не мог позволить себе сказать что-либо еще, но вся моя душа восставала против этой внезапной дружбы.

Снова и снова я перечитывал письмо моей милой и, оттаптываясь время от времени и размышляя над ее нежными словами и еще более нежными мыслями, был несказанно счастлив. Я забыл свой сон, мрачные предчувствия и даже ужасную ноющую боль в боку, которая днем в течение нескольких часов причиняла мне величайшие страдания. Я утешал себя мыслью, что теперь, когда я достиг совершеннолетия, я могу в кратчайший срок избавиться от плантации, вернуться домой и услышать слова любви и нежности из уст самой Люси.

Да, я мечтал очень скоро назвать ее своей женой.

Тем не менее, необходимо было соблюсти некоторые юридические формальности, и прошло почти шесть месяцев, прежде чем я наконец избавился от собственности и стал готовиться к возвращению.

Все это время я испытывал сильную боль, но к докторам не обращался. Я убедил себя, что болезненные ощущения, вероятно, были вызваны некоторым нервным напряжением и будет лучше подождать и получить должную врачебную помощь в Лондоне. Куда сильнее меня беспокоило нечто иное. Вот уже несколько месяцев, как я заметил существенную перемену в тоне писем Люси. Они все меньше и меньше походили на те непосредственные послания, полные выражений любви и преданности, что я получал вначале. Время от времени приходило письмо, написанное в прежнем ключе, однако я не мог не видеть, что произошли какие-то изменения и очень тревожился об их причине. Вскоре от священника пришло известие, что Люси была тяжело больна, но уже начала поправляться; поэтому, как он считал, мне не было нужды беспокоиться или торопиться с возвращением, пока мои дела не будут окончательно улажены.

Меня подмывало сесть на ближайший пароход, но сделка по продаже собственности должна была вот-вот завершиться, и мне пришлось ждать, считая часы и дни, оставшиеся до той минуты, когда я смогу обнять и утешить Люси.

Подписание заключительного договора привело меня в окрестности военного лагеря, где я появился на свет; когда же я освободился от дел, до отплытия парохода оставалась неделя, и я решил все же совершить паломничество к месту моего рождения, так как другой возможности могло никогда не представиться.

Увы! мы никогда не знаем, к чему может привести единственный шаг в том или ином направлении. Но роптать бесполезно. Чему быть, того не миновать. Я должен был поехать.

Я добрался до лагеря, представился и был чрезвычайно гостеприимно принят полковником и офицерами гарнизона. Поскольку я собирался провести в лагере всего сутки, на следующее же утро новые друзья повели меня осматривать различные достопримечательности, как то форты и другие укрепления, построенные моим отцом во время пребывания на посту командира гарнизона.

Я снова услышал необыкновенную историю о старом йоге, которого казнили после нападения на казармы. С тех пор прошли годы, но история эта становилась достоянием каждого расквартированного там полка. Пока мы верхом объезжали местность, офицеры выдвигали многочисленные и самые странные предположения о том, что могло так испугать мою мать и что именно увидели мои родители, когда старый йог безжизненно упал на землю.

Под каменистым склоном горы полковник натянул поводья и указал вверх, на большую пещеру, расположенную над выступающей скалистой площадкой. Там, сказал он, во времена моего отца и жил старый йог. Я в шутку предложил посетить пещеру; полковник принял мое предложение всерьез, но сам отказался от восхождения, сославшись на то, что его кости для этого слишком стары. Однако два других офицера ухватились за мою идею, и, оставив лошадей на попечение полковника, мы начали подниматься по крутому склону.

Стояло раннее утро, и ночная роса делала камни и мхи такими скользкими и опасными, что мы были вынуждены двигаться с крайней осторожностью. Наконец мы достигли

широкого скалистого плато, обращенного ко входу в пещеру, и на мгновение замерли, восхищенные великолепием открывшегося вида. Природа, казалось, объединила здесь все свои дары, чтобы создать непревзойденный пейзаж.

Леса, равнины и горы разворачивались вокруг нас, и стоило чуть повернуть голову, как эта грандиозная панорама Изменялась и начинала играть новыми красками. Иззубренная горная вершина над нашими головами вздымалась к самому сердцу небес, а вокруг громоздились странные, фантастические и неопишуемые силуэты изрезанных временем скал, которые поразили бы самое безудержное воображение.

Прямо под нами раскинулись казармы, и солдаты суетились, как крошечные муравьи, в лучах утреннего солнца; справа мы видели форт с побеленными стенами и английским флагом — черные жерла его пушек пристально следили за границей.

— Любой человек, живущий здесь, стал бы мистиком, — заметил один из офицеров, поворачиваясь к пещере. — И посмотрите-ка, здесь есть вода и еда.

И он указал на родник, бывший прямо из большой скалы; у подножия ее раскинулись прекрасные грядки съедобных трав.

Пещеру мы нашли нетронутой — обитатель ее словно покинул свое жилище всего лишь какой-нибудь час назад. В дальнем углу стояло грубое ложе, застеленное большой тигриной шкурой; рядом, на так же грубо сколоченных полках, мы нашли разнообразные книги, посвященные глубоким философским вопросам и донельзя поразившие нас. В самом дальнем конце пещеры имелась большая ниша, по-видимому, служившая храмом. В центре ее стоял алтарь и высилось каменное изваяние Шивы-Разрушителя, высеченное, судя по всему, много столетий назад. У ног бога все еще лежали высохшие травы и цветы — вероятно, последнее икупительное приношение старого йога перед той роковой ночью.

На столе в изголовье лежанки, таком же грубом, как и вся остальная мебель, мы обнаружили Веды, английскую

Библию и плоскую каменную плитку; очевидно, старый отшельник имел обыкновение записывать на ней свои мысли. Я с трепетом поднял ее. Душа моя, казалось, вот-вот прочитает свой смертный приговор — но я был обязан прочитать.

Первая строка была на хиндустани, и я не смог ее разобрать. Далее следовала фраза на английском: «Никто не избежит своей судьбы — разве и Бог не умер, дабы исполнилось предначертанное?»

«Никто не избежит своей судьбы! Странно, что повсюду, куда я ни направляюсь, меня преследуют такого рода предупреждения», — подумал я.

— Что это может означать? — громко воскликнул я, забыв о своих спутниках. Ответом мне был вздох, таинственный и странный; он прозвучал столь отчетливо, что даже бравые офицеры в страхе попятились.

— Пойдемте! — вскричал один. — От этого места меня бросает в дрожь, а кроме того, мы не можем больше заставлять полковника ждать.

И, потянув меня за руку, они направились к выходу. Мы отошли от пещеры всего на несколько шагов, когда я вспомнил, что забыл свой хлыст на столе у лежанки и крикнул остальным:

— Не ждите, я вас догоню!

После яркого солнечного света сумрак пещеры на миг ослепил меня. Когда зрение вернулось ко мне, сердце едва не выскочило из груди: я увидел на лежанке фигуру старика. Наши глаза встретились, и он указал длинным и худым пальцем на фразу, написанную на каменной табличке — слова ее, как ртуть, переливались в моем сознании.

Чувство страха овладело мной. Я вслепую выскочил из пещеры, скользя по камням и мху; напрасно я цеплялся за траву и кусты на своем пути. Я пытался остановиться, но что-то, казалось, преследовало меня. Далеко внизу, на тропинке, я видел полковника. До меня доносились голоса моих спутников, кричавших, чтобы я спускался осторожней. Но мои ноги продолжали скользить; камни, мох и валуны уходили из-под них. Я хватался за ветки, но они ломались; го-

лова кружилась, все чувства сводило от страха. Я услышал, как огромный камень, который я задел, рухнул вниз в пропасть. С диким криком о помощи я зашатался — и больше я ничего не помню.

Я очнулся в казармах, в комнате полковника. Мне сказали, что я пролежал без сознания три дня. Сперва опасались трещины в черепе, но после тщательного осмотра гарнизонные хирурги обнаружили лишь глубокую рану на голове; помимо этого, самым серьезным повреждением, которое я получил, был сложный перелом правой ноги — достаточный, чтобы уложить меня в постель по крайней мере на восемь недель.

«Но как же Люси? — подумал я. — Как отнесется она к этой задержке после всех моих обещаний вскоре вернуться?»

День за днем я лежал там в агонии, думая только о ней и о том, как она перенесет это разочарование. Прошло немало времени, прежде чем я сумел позаботиться о доставке своей почты на адрес гарнизона. Первым же письмом оказалось послание от старого священника, сообщавшего мне жестокую весть: моя возлюбленная снова заболела; бедняжка находилась в таком состоянии, что была не в силах мне написать.

Я еще далеко не оправился, но с огромным трудом все же встал с постели и решил, что немедленно отправлюсь в Англию, пусть это даже убьет меня. О, я хорошо помню то утро! Я начал одеваться, но тут боль в боку, которую я уже несколько дней не чувствовал, вернулась с удвоенной силой. В эту минуту вошел врач, вновь уложил меня в постель и занялся осмотром; по его озадаченному лицу я понял, что причина моих мучений была выше его понимания. Так продолжалось до тех пор, пока не наступил день, когда боль стала невыносимой; наконец, к вечеру плоть разошлась, и показалась странная опухоль. С этого момента главный хирург гарнизона отказался брать на себя ответственность за мое лечение, и мой добрый друг-полковник, не видя иного выхода, распорядился немедленно отправить меня в ближайший военный госпиталь. Тотчас начали сооружать по-

возку, в которой отряд туземцев перевез меня в соседний город. Испытав немалые страдания во время этого путешествия по суровой местности, я оказался в больнице.

Врачи проводили консилиум за консилиумом. Они признались, что никогда раньше не видели ничего подобного, но упорно продолжали называть мой недуг опухолью и кончили тем, что диагностировали опухолевое разрастание со сложным латинским названием. Однако, несмотря на все их медицинские познания, *оно* продолжало расти — я никогда не называл это образование опухолью, для меня это было *оно*, нечто неопределенное, безымянное и ужасное. К тому времени, как кости моей ноги срослись и я смог отплыть в Англию, *оно* выдвинулось из моего бока на несколько дюймов. Вдобавок, *оно* росло как бы изнутри и раздвигало плоть, словно открытую рану, не давая краям сойтись. Исходя из расположения «опухолевого разрастания», находившегося между ребрами и тазом, и близости его к сердцу и другим жизненно важным органам, врачи утверждали, что всякая возможность операции исключена. Но я не терял надежды и, собираясь вверить себя искусству превосходных лондонских медиков, наконец со вздохом облегчения отплыл домой.

Тогда я еще не осознавал всей полноты постигшего меня несчастья. Я думал, что *оно* представляет собой лишь некое необычное образование и что, невзирая на мнение индийских докторов, я найду в Лондоне или Париже способ удалить его. Но блаженство неведения длилось недолго.

Однажды вечером, посреди океана, я просматривал бумаги отца и нашел старый дневник, который он вел в гарнизоне на афганской границе. Я поднялся с тетрадью на палубу и начал читать. Час за часом я знакомился с помыслами, делами и мечтами человека, ответственного за мое появление на свет.

Помню, почти стемнело, когда я прочитал фразу: «О, как бы мне хотелось иметь ребенка, сына, который увековечил бы мое имя!»

Чуть ниже я прочитал: «Я женился — скорее для того, чтобы иметь ребенка, чем жену».

Я продолжал читать, пока не дошел до описания жуткой ночи бала и утренней казни йога. «Теперь-то, — подумал я, — я узнаю, что вызвало у моей матери тот ужасный испуг, который привел к преждевременным родам». И, склонившись над пожелтевшими листьями, я прочитал следующий отрывок:

«О, Боже мой! Что я наделал? Когда загрохотали выстрелы и тело йога упало на землю, из травы у ног моей жены поднялась отвратительная черная змея, с гневным шипением распрямилась, ужалила ее в бок и, упав обратно в траву, исчезла. Я тут же вспомнил последние слова старого йога. Что, если они сбылись еще до того, как дыхание жизни покинуло его тело? Я снова подумал о ребенке — о ребенке, которого я желал, о котором молился, о ребенке, жившем в ней. О, Боже мой! что я наделал! что я наделал! Если было совершено преступление — если природа требует отмщения — то пусть наказание падет на меня, а не на ребенка, не ведающего греха отца».

Я не мог больше читать. Дневник выскользнул из моих рук и упал к ногам, но я не двинулся с места. Мои глаза невольно, как в час беды, обратились к небу — но там для меня не было Бога. Звезды кружили по своим назначенным орбитам, неспособные отклониться от сокрытых небесных путей; я глядел на них в отчаянии, и перед глазами вставало написанное престарелым йогом: «Никто не избежит своей судьбы — разве и Бог не умер, дабы исполнилось предначертанное?»

Не знаю, как долго я просидел на палубе. *Семя, что было посеяно, дождется жатвы.* Моя судьба была отныне ясна, и это открытие на время совершенно лишило меня сил. Острая боль в боку вернула меня к яви. Теперь эта боль обрела новое значение, и мне потребовалось все присутствие духа, чтобы выдержать ее. Я стиснул зубы, пытаюсь сдерживать страдальческий крик, готовый вырваться из глубины души. И так я сидел в молчании и страхе, словно ожидая приближения непобедимого врага.

Внезапно я весь похолодел и оцепенел от ужаса. Оно чуть заметно задвигалось — то была легкая дрожь, едва ощутимый

трепет, но трепет жизни. Холодный пот крупными каплями выступил у меня на лбу. Я почувствовал, как мое сердце перестало биться и кровь застыла в жилах; закрыв руками лицо, я съежился от их ледяного прикосновения.

Но тем временем у меня зрело решение — мысль, что еще минуту назад я бы с отвращением отверг. Я так никогда и не видел, что *оно* собой представляло, никогда не осмеливался взглянуть. Теперь я спущусь в каюту и увижу своего врага лицом к лицу. Я потянулся за костылями и тихо заковылял по палубе. Была полночь. Ни единый звук не нарушал безмолвие океана, слышалось лишь учащенное дыхание машин, прокладывавших путь через бездну.

В моей каюте горела лампа — маленькая масляная лампа, испускавшая болезненный желтый свет. Я придвинул ее поближе, чтобы лучше видеть, расстегнул свою свободную шелковую рубашку и глянул в зеркало. С первого же взгляда я понял, что самые страшные мои опасения оправдались.

Да, *оно* обрело жизнь, независимую от моей. О Боже! все закружилось вокруг меня, когда я увидел, какую форму *оно* приняло, каким отливало цветом. Пошатываясь, я кое-как выбрался из каюты и в лихорадочном безумии, не сознавая себя от ужаса, поднялся на палубу. Многие люди, испытывавшие мелкие горести, положили конец своим несчастьям: можно ли удивляться тому, что в подобную минуту и я решил раз и навсегда покончить со своим проклятым существованием? Это будет так просто, думал я. Мою гибель, конечно, объяснят «несчастливым случаем» — как ни странно, даже в такой миг человек раздумывает о мнении ближних. Однако смерть не слишком тревожила меня: моей единственной мыслью было убить эту *тварь*, и собственное тело виделось мне камнем — камнем, который увлечет ее на дно и утопит, и на веки вечные похоронит в глубинах океана.

Я мог бы без труда незаметно соскользнуть за борт корабля, и волны навсегда поглотили бы меня и мое тайное позорное клеймо. И все же я боялся, что мое тело найдут, и любопытные станут осматривать меня и рассуждать о свойствах и причине появления *твари*. Еще больше я страшил-

ся того, что *тварь* выживет и будет ползать, как вампир, по мертвому телу, породившему ее — но что мне за дело, какая разница, во мне не останется чувств, я буду уже мертв.

Я пробрался на корму. Крутом царила тишина. Склонившись, я поглядел вниз, в бездонную черную воду, но лицо Люси укоризненно поднялось передо мной и остановило меня: ее глаза смотрели в мои, ее руки удерживали меня — и, испугавшись своего трусливого намерения, я опустил на доски в тени спасательной шлюпки и пролежал там до рассвета.

Поскольку я никого не известил о своем отъезде из Индии, по возвращении в Англию я не отправился сразу же домой, в Девон, а поехал в Лондон и получил консультации у нескольких медицинских светил. Но надежды не было: врач за врачом осматривали меня и не могли поставить диагноз. Убить *тварь* означало убить меня — оставить ее в живых означало, в конечном итоге, то же самое. Умудренные мужи науки недоверчиво выслушивали мою историю, и однако, они собственными глазами видели, осматривали *тварь*! Оставалось загадкой, почему она проявила себя лишь после моего совершеннолетия: ведь юридическая и физическая зрелость не совпадают. За неимением лучшего объяснения, врачи сошлись на том, что виновата была страшная индийская жара. Но цепь совпадений была слишком очевидна, и я инстинктивно понимал, что в Индию меня привела сама Судьба. Доктора полагали, что пройдет некоторое время, прежде чем *тварь* полностью разовьется, и тогда можно будет удалить ее ядовитые клыки; я буду жить, но никогда не избавлюсь от соседства *твари*.

Я вернулся домой, похоронив все надежды. Я решил увидеться с Люси и попрощаться с ней навсегда. Да, я отрекись от своего счастья, а затем удалюсь в какое-нибудь тихое место и постараюсь набраться мужества, чтобы покончить со своей жизнью, или стану ждать, пока она не закончится сама, но никогда, никогда не посею проклятое семя, дабы позор его не пал на невинное дитя. Я ломал голову над тем, как бы правдоподобней объяснить Люси, почему я вынужден вновь ее покинуть. Поведать ей чудовищную правду я

не осмеливался — не мог заставить себя сделать это. Мне не удавалось придумать ни единой уловки, и я в тревоге и растерянности считал минуты, приближавшие меня к ней, не зная, как поступить. Поезд остановился на станции, и я с тяжелым сердцем побрел к Люси — жертва, заклеяменная непреклонной наследственностью, дитя жестокой Судьбы.

Вновь стоял летний день, живые изгороди старой и милой девонширской дороги пестрели цветами — и прежде, чем я добрался до дома священника, аромат роз окутал меня веянием незабываемых воспоминаний. Уже начинало темнеть, когда я вошел в сад. Ничье лицо не выглянуло из розовых кустов, и сами они казались такими жалкими и заброшенными, что у меня сжалось сердце: как давно ее руки перестали ухаживать за ними?

Веранда была тиха и пустынна, дверь в дом отворена. На мой звонок никто не ответил, и я вошел в прихожую и на мгновение замер в нерешительности, не зная, что мне делать.

Гостиная оказалась пуста, как и кабинет. На письменном столе под старомодной настольной лампой лежали черновики воскресной проповеди. В углу письменного стола, оставаясь всегда перед глазами любящего отца, стояла маленькая фотография Люси в том самом платье, в котором я увидел ее в то первое утро в саду. Я схватил портрет и стал его целовать, и целовал до тех пор, пока слезы не потекли по моим щекам, затуманив образ возлюбленной. Через несколько минут не предстоит расстаться с ней навсегда — и слова мои, возможно, разобьют ей сердце!

Наконец я услышал голоса, негромкие, приглушенные голоса наверху. Не знаю, зачем я поднялся. Лестница, устланная мягким ковром, привела меня к площадке перед маленькой спальней, где я на миг остановился. Здесь стояла ваза с розами — моими любимыми. Я слышал молитвенный голос старого священника, но не мог разобрать его тихую речь, то и дело прерывавшуюся рыданиями. Время от времени я отчетливо слышал лишь имя — и имя то было моим. Старик возвысил голос и с глубокими, прерывисты-

ми рыданиями стал молить Бога простить меня за жестокий обман, что я совершил. Я не мог больше это выслушивать и беззвучно отворил дверь. Взгляд Люси упал на меня. В следующее мгновение она оказалась в моих объятиях, и я услышал ее изменившийся, слабый голос:

— О, я знала, что ты придешь. Я им не поверила. Они сказали, что ты никогда не вернешься, что ты бросил меня. Но я знала, что ты вернешься. Слава Богу, слава Богу!

Она в изнеможении откинулась назад: даже эти несколько слов отняли у нее все силы. Я заглянул в ее глаза и сразу понял, что все было кончено. Длинные и костлявые руки смерти заявили на нее свои права — она принадлежала ей, а не мне. Наклонившись к Люси, я прошептал:

— Моя дорогая, я никогда не покидал тебя. То, что они тебе сказали, было ложью, совершеннейшей ложью. Я люблю тебя, как любил всегда. Ты моя, Люси, вопреки Судьбе, вопреки смерти, моя до конца жизни, и времени, и вечности.

Вздох бесконечной любви и счастья был мне ответом. «Слава Богу», — прошептала она. Сгустились вечерние тени, и наступил конец. И это было к лучшему.

Мы со старым священником остались одни. Плача, он кратко поведал мне о причине страданий Люси и обо всем, что она пережила за время моего отсутствия.

Моя заблудшая мать сумела завоевать ее доверие — и даже любовь, и после того, как она завоевала и то и другое, в своей гордыне разбила сердце Люси рассказами о моей неверности, которые истерзали душу преданной девушки и наконец убили ее. Такова была причина ее смерти.

Да, моя мать совершила этот великий грех, как она покайно призналась мне в ту скорбную ночь — совершила из великой любви ко мне, из своей проклятой гордости, из любви к власти и положению и из ревливой, эгоистичной любви ко мне! Я едва понимал, что делаю и что говорю, когда она стояла передо мной на коленях, моля о прощении. Помню только, как в порыве ненависти я разорвал на себе одежду и обнажил *корчащееся существо*, возбужденное моей безумной яростью — и она со страхом и отвращением

отпрянула от сына своей гордыни. Без всякой жалости я оставил ее лежать там жертвой ее собственного беззакония и один вышел в ночь.

О Боже! как я страдал в последующие дни и месяцы! Холодный климат заставлял *тварь* еще сильнее мучить меня. Я пытался умереть, пытался много раз, но не мог — не смел. Лицо Люси всегда вставало передо мной и губы ее — меж мной и смертью, чей поцелуй был бы мне в радость. И я продолжал жить, молясь о наступлении конца; к счастью, мне не придется теперь долго ждать, ибо конец уже близок. Врачи в Лондоне предполагали, что со временем клыки и ядовитые железы *твари* в должной степени разовьются; оставалось лишь дожидаться этого момента и удалить их. В таком случае, как считали доктора, я мог бы дожить даже до зрелого возраста, до средних лет. Но этому не суждено случиться. Несколько дней назад я заметил, что клыки удлиннились и вскоре будут готовы выполнить свою работу. Холод подземелья ускорит дело, вот и все. Семя, брошенное в землю, созрело для жатвы. Я ничем не хуже других, ибо каждый что-то наследует — одни нечестивые желания, другие страсти, третьи же болезни, что хуже смерти. У меня хотя бы хватило морального мужества не посеять гнилые семена наследственности. Я черпал силы в любви к Люси.

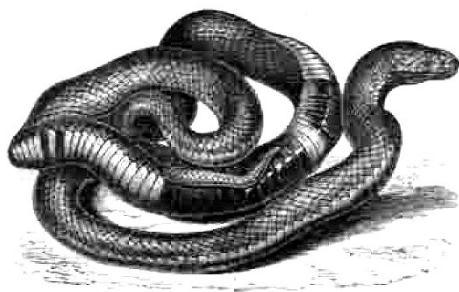
Я пришел сюда, чтобы жить среди этих могил и без колебаний встретить смерть. Мои страдания и эти мертвые египтяне научили меня, что по смерти существует искупление и душе, очищенной от всего телесного, обещана реинкарнация.

Что же до этого места, то во время блужданий среди гробниц я, как и вы, обнаружил странные знаки, и однажды мне посчастливилось найти тайный проход в усыпальницу.

Я держал это знание при себе, надеясь, что смерть настигнет меня в этом склепе, где мое тело останется нетронутым и обратится в пыль, и никакие любопытные не станут осматривать его и задавать безжалостные вопросы.

Здесь я умру. Моя жизнь скоро завершится. Я больше не рошщу. Естественный закон управляет тем, что слишком ча-

сто кажется самым неестественным. Содеянное зло требует искупления: да помнят об этом все неразумные мира. Знай мы об этом заранее, мы могли бы измениться, ибо, как настоящее есть следствие предшествующей причины, так и наши действия в настоящем становятся причиной будущих последствий. Но мы предпочитаем терзать и преследовать тех, кто пытается приподнять завесу, забывая о том, что мы, смертные, блуждаем в темноте и малейший проблеск света может предупредить нас об опасностях, от которых нет спасения, когда мы оказываемся среди них.

ГЛАВА VII

Эта ужасная история, рассказанная в столь жутком окружении и в могильном мраке гробницы, потрясла нас, как легко можно себе представить, до глубины души.

Во тьме нам казалось, что отвратительная *тварь* с каждой минутой наливается злобой и вот-вот вонзит свои смертоносные клыки в тело, на котором жила. И все же, как ни странно, этот рассказ о горе и страдании, о мятеже и благородном сопротивлении, словно свел на нет наши собственные душевные муки и страх за себя, стер их в порыве дружеского сочувствия. Так всегда бывает в жизни — при встрече с горем и смертью часто возникает некий противовес, и история чужих мук и утрат порой заставляет нас забыть о своих. Влияние некоторых сильных душ, мужественно и без жалоб переживающих страдания, нередко позволяет другим, более слабым, набраться стойкости, чтобы выдержать еще большие испытания.

Когда наш спутник закончил свой рассказ, мы долго лежали молча. В такие минуты дружеское пожатие руки становится красноречивей всяких слов... Сомневаюсь, что профессору или мне когда-либо встречался столь наглядный пример для раздумий о действии Судьбы. Как ни прискорбно, наш практический век не поощряет такой образ мыслей. Мы продвигаемся вперед в том, что нам угодно именовать прогрессом, просвещением, развитием — для чего нам интересоваться Судьбой?

Мы изучаем законы наследственности и прилагаем их к разведению скота — но отвергаем их и пренебрегаем ими, когда речь заходит о человеческих существах. Мы смеемся над ними и ссылаемся на непостижимые законы Божьи — не потому, заметьте, что мы так уж религиозны, просто это позволяет нам уклониться от ответственности, но все еще считаться уважаемыми. И мы живем — или, скорее, умираем — и лишь на пороге смерти достаиваемся знания; следовательно, только в миг нашей смерти мы поистине бываем живы.

Тем не менее, мы гордимся своей свободной волей, в бесстыдном невежестве воспроизводим наш вид — и сознательно, уступая инстинктам плоти, обрекаем на проклятие и участь, что хуже смерти, наше дегенеративное, страдающее потомство.

Человек, конечно, всегда может сказать, что свобода воли позволяет ему избрать тот или иной путь, повернуть налево или направо, но при этом он не должен забывать, что подобное действие обусловлено сознательным усилием, тогда как бессознательное всегда влечет его по тропе Судьбы.

Подобные мысли роились в моей голове в жутком молчании, следовавшем за рассказом, а тем временем мы безмолвно готовились к собственной смерти и ниоткуда не ждали спасения.

Последней спичкой мы подожгли груды пропитанных битумом и сильно пахнущими мазями льняных бинтов, которыми когда-то была обмотана голова царственной мумии. Пламя взметнулось вверх неожиданно высоко, и мы поняли, что каким-то необъяснимым образом успели переместиться и находились теперь лицом ко входу в гробницу. Перед нами, словно страж, охраняющий вход, лежало оскверненное тело седьмого мертвеца. Бинты с левой руки, как мы заметили краем глаза, были полностью сорваны, и она свисала вниз из разбитого саркофага, почти касаясь пола. Эта мелкая деталь лишь на мгновение, не больше, привлекла наше внимание. Пламя должно было скоро погаснуть. Мы повернулись к языкам огня, последнему проблеску света, который ожидали когда-либо увидеть, и лежали, с сожалением наблюдая, как огонь горел все слабее и слабее и наконец иссяк. Не осталось ничего, кроме нескольких раскаленных угольков, пылавших среди вселенской тьмы. Мы немного отодвинулись друг от друга. Прощаний не было — довольно было и рукопожатий. Мы ждали смерти, и каждый был сам по себе.

Более чем вероятно, что профессор, до конца остававшийся верным науке, приготовился встретить свою гибель, устремив взгляд на седьмую мумию, занимавшую столь выгодное положение у выхода; так или иначе, едва огонь по-

гас, старик издал изумленное восклицание.

— Смотрите! Смотрите! — прошептал он хриплым голосом.

Напрягая зрение, мы разглядели крошечное светящееся пятнышко размером с ноготь большого пальца. Не успел я пошевелиться, как Ченли с нечеловеческим усилием протаскивал свое тело по камням и схватил это пятнышко. Дрожавшим от волнения голосом он велел нам поскорее раздуть угли угасшего костра. Спичек у нас больше не осталось, и если бы эту маленькую красную искорку не удалось вернуть к жизни, нас поглотила бы темнота. Раздирая фитиль фонаря, раздувая уголек и осторожно подкармливая его клочьями фитиля, я вскоре сумел добиться слабого свечения, затем огонек засверкал ярче — и при посредстве нескольких бинтов, сорванных с ближайшей мумии, снова вспыхнуло сильное пламя.

В руке Ченли мы увидели большой золотой перстень, покрытый надписями, окружавшими любопытный плоский камень зеленоватого цвета. Пальцы Ченли дрожали от нервного возбуждения, пока он пытался рассмотреть и расшифровать иероглифы. В темноте камень фосфоресцировал, испуская смутное бледное мерцание. На свету он стал почти черным, и на его поверхности проявились белые линии, образовавшие странный упорядоченный рисунок. Ченли нервно повернулся к нам и сказал:

— Возможно, у нас появился шанс на спасение. Линии на этом удивительном перстне представляют собой хорошо прорисованный план проходов, ведущих к тайной гробнице и из нее. Полагаю, может существовать еще один выход. Я собираюсь это проверить. Перстень указывает на зарубки, высеченные в левой стене колодца. Я спущусь по ним и попытаюсь найти проход, который, согласно этой схеме, должен вести отсюда во внешний мир. На всякий случай, прощайте, друзья — не исключено, что я стану жертвой какой-нибудь роковой случайности.

Ченли без особого труда нашел указанные зарубки. Мы с тяжелым сердцем смотрели, как он постепенно исчезал в глубокой и, казалось, бездонной яме. Профессор был знаком

с колодцем в пирамиде Хеопса; наш был точно таким же и мы едва ли могли надеяться на успех. Действительно, профессор часто упоминал, что колодец в пирамиде Хеопса ведет в никуда и усилия, затраченные на его постройку, вызывают лишь удивление. По свидетельству тех немногих, кто когда-либо пытался спуститься, он был необычайно глубок, а на дне обитали ящерицы, какие нигде больше не встречались.

Наши сердца разрывались между надеждой и отчаянием; мы ждали, раздувая пламя и стараясь сохранить его живым, ибо мрак подземелья казался нам теперь страшнее, чем когда-либо. Время от времени мы на четвереньках подползали к краю колодца и прислушивались, но из глубины не доносилось ни звука.

Минуты текли за минутами. Мы все ждали.

Наконец мы в последний раз подбросили бинты в наш затухающий костер — мы так ослабели, что больше ничего не в состоянии были сделать. И вдруг мы услышали слабый звук, похожий на вздох; не успели мы спросить себя, был ли он игрой нашего расстроенного воображения или явью, как Ченли перелез через край колодца и в изнеможении упал к нашим ногам.

Его одежда была изорвана в клочья. Когда Ченли стал стряхивать воду с волос в мерцающем свете костра, я заметил, что его лицо осунулось, а выражение глаз безошибочно говорило, что для него настал высший миг. Его час пробил.

Он едва нашел в себе силы обратиться к нам. Казалось, мышцы его горла отвердели и напряглись.

— Скорее, скорее! — прохрипел он. — Слушайте! На стене колодца есть зарубки. Спускайтесь по ним к каменному выступу. Там начинаются три коридора. Вам нужен левый. Придется ползти на четвереньках, пока вы не доберетесь до глубокой пещеры, заполненной водой. Не бойтесь, ныряйте прямо в воду — пещера ведет к Нилу, и вы окажетесь в безопасности. Оставьте меня... оставьте меня здесь.

Его голова откинулась назад — он попытался улыбнуться, но губы отказывались шевелиться. Старый профессор

со слезами на глазах старался поднять его, твердя:

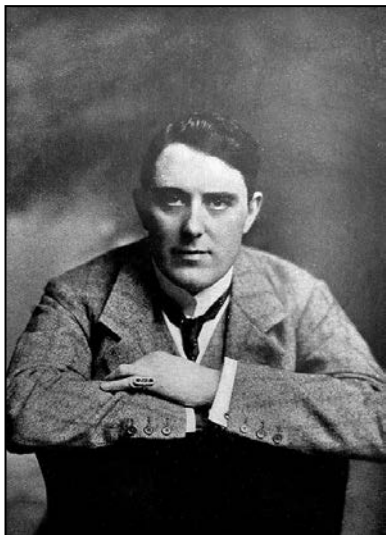
— Ты должен встать, мой мальчик, ты должен пойти с нами...

Руки Ченли тем временем лихорадочно рвали рубашку. Судьба и вправду оказалась жестока и неумолима до конца. *Тварь* недвижно лежала у него на груди — она сделала свое дело, и ее клыки были погружены в его плоть.

С последним усилием он приподнялся и, взяв нас за руки, тихо произнес:

— Помните... Семя, что было посеяно, дождалось жатвы... Прощайте!

ОБ АВТОРЕ

Автор этой книги, Вильям Джон Уорнер, родился 1 ноября 1866 г. в ирландской деревне под Дублином. Имя свое, впрочем, он не любил и называл себя Хейро (от греч. χεῖρ, «рука»), графом Луисом де Хамоном или, как в случае *Руки судьбы*, Ли де Хамонгом. По собственным утверждениям, отцом его был аристократ, граф де Хамон, женатый на француженке. Недоброжелатели говорят, что он появился на свет в семье пьяницы либо происходил по материнской линии от цыганки.

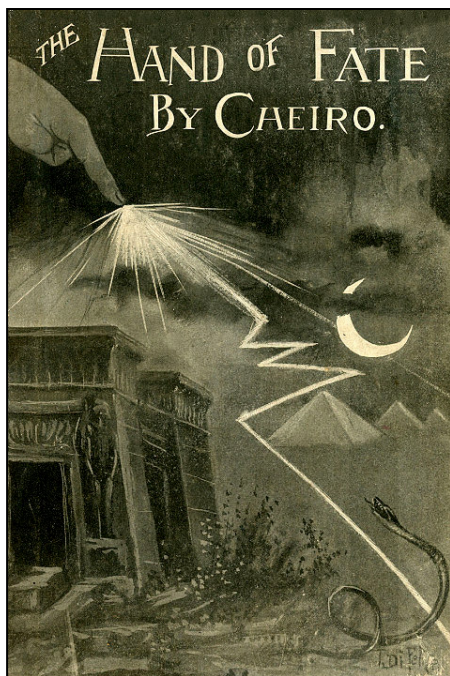
О ранних годах жизни Хейро мало что известно. Сам он утверждал, что в юности оказался в Индии, где изучал астрологию и хиромантию в секте таинственных браминов, а затем пополнял свои оккультные познания в Египте, где и начал профессионально заниматься хиромантией.

Вернувшись в Лондон, Хейро проявил себя как талантливый хиромант и предсказатель и к 1890-м годам стал одним из самых известных «ясновидцев» англоязычного мира. В длинном перечне его клиентов можно найти имена многих знаменитостей, аристократов, политиков и царствующих особ, от принца Уэльского до Томаса Эдисона и Марка Твена, Сары Бернар, Маты Хари, Оскара Уайльда, Джозефа Чемберлена и лорда Карнарвона. Ему

также приписывают большое количество точных предсказаний, включая те, что касались смерти Распутина и падения царской России в 1917 г.

Хейро много путешествовал, побывал в США, Китае, России и Индии, а также, в качестве журналиста, на фронтах китайско-японской и русско-японской войн; некоторое время он владел парижской англоязычной газетой *The American Register*. Однако знал он и падения, например, в 1910 г. был объявлен банкротом.

Многочисленные сочинения Хейро включают пособия по хиромантии и астрологии (некоторые из них переиздаются по сей день), сборники предсказаний относительно мировых событий, ряд биографий знаменитых оккультистов, мемуары и даже книгу стихов. Помимо *Руки судьбы*, ближе других к художественной прозе стоит книга *True Ghost Stories* (1928), посвященная «реальным» случаям явлений призраков.

Почти всю жизнь Хейро оставался холостяком; женился он лишь в 1929 г. и провел свои последние годы в Голливуде, где и скончался 8 октября 1936 г.

Повесть *Рука Судьбы, или Этюд о предопределенности* (*The Hand of Fate, or A Study of Destiny*) была впервые издана в Англии и США в 1898 г. и до вторичного появления в антологии *Great Untold Stories of Fantasy and Horror* (1969) оставалась сравнительно малоизвестной. В 2006 г. вышло новое американское издание под редакцией Ш. Донелли; в этом издании было произвольно изменено заглавие, а авторское предисловие, подписанное «Ли де Хамонг» (Leigh de Hamong), дано в приложении.

Рука судьбы может послужить образцом викторианских «египетских» и «индийских» романтических ужасов. Вместе с тем, читатель обнаружит в Хейро прямого предшественника, скажем, Э. Л. Уайта со знаменитым рассказом *Лукунду* или Р. Блоха с *Жуками*; различимы в повести, в свою очередь, самые разнообразные влияния — в первую очередь, видимо, П. Мериме (*Локус*) и Р. Киплинга (*Клеймо зверя*).

Перевод повести выполнен по изданию 1898 г. Издательство Salamandra P.V.V. сердечно благодарит А. Миниса, обратившего наше внимание на это любопытное произведение.

А. Ш.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.